

РАССКАЗЫ ДЕТЯМ О ВОЙНЕ

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Брестская крепость»

Брестская крепость стоит на границе. Атаковали ее фашисты в первый же день войны. Не смогли фашисты взять Брестскую крепость штурмом. Обошли ее слева, справа. Осталась она у врагов в тылу. Наступают фашисты. Бои идут под Минском, под Ригой, под Львовом, под Луцком. А там, в тылу у фашистов, не сдается, сражается Брестская крепость. Трудно героям. Плохо с боеприпасами, плохо с едой, особенно плохо с водой у защитников крепости. Кругом вода – река Буг, река Муховец, рукава, протоки. Кругом вода, но в крепости нет воды. Под обстрелом вода. Глоток воды здесь дороже жизни. – Воды! – Воды! – Воды! – несется над крепостью. Нашелся смельчак, помчался к реке. Помчался и сразу рухнул. Сразили враги солдата. Прошло время, еще один отважный вперед рванулся. И он погиб. Третий сменил второго. Не стало в живых и третьего. От этого места недалеко лежал пулеметчик. Строчил, строчил пулемет, и вдруг оборвалась очередь. Перегрелся в бою пулемет. И пулемету нужна вода. Посмотрел пулеметчик – испарилась от жаркого боя вода, опустел пулеметный кожух. Глянул туда, где Буг, где протоки. Посмотрел налево, направо. – Эх, была не была. Пополз он к воде. Полз по пластунски, змейкой к земле прижимался. Все ближе к воде он, ближе. Вот рядом совсем у берега. Схватил пулеметчик каску. Зачерпнул, словно ведром, воду. Снова змейкой назад ползет. Все ближе к своим, ближе. Вот рядом совсем. Подхватили его друзья. – Водицу принес! Герой! Смотрят солдаты на каску, на воду. От жажды в глазах мутится. Не знают они, что воду для пулемета принес пулеметчик. Ждут, а вдруг угостит их сейчас солдат – по глотку хотя бы. Посмотрел на бойцов пулеметчик, на иссохшие губы, на жар в глазах. – Подходи, – произнес пулеметчик. Шагнули бойцы вперед, да вдруг... – Братцы, ее бы не нам, а раненым, – раздался чей то голос. Остановились бойцы. – Конечно, раненым! – Верно, тащи в подвал! Отрядили солдаты бойца в подвал. Принес он воду в подвал, где лежали раненые. – Братцы, – сказал, – водица... Повернулись на голос головы. Побежала по лицам радость. Взял боец кружку, осторожно налил на донышко, смотрит, кому бы дать. Видит, солдат в бинтах весь, в крови солдат. – Получай, – протянул он солдату кружку. Потянулся было солдат к воде. Взял уже кружку, да вдруг: – Нет, не мне, – произнес солдат. – Не мне. Детям тащи, родимый. – Детям! Детям! – слышались голоса. Понес боец воду детям. А надо сказать, что в Брестской крепости вместе со взрослыми бойцами находились и женщины и дети – жены и дети военнослужащих. Спустился солдат в подвал, где были дети. – А ну, подходи, – обратился боец к ребятам. – Подходи, становись, – и, словно фокусник, из за спины вынимает каску. Смотрят ребята – в каске вода. – Вода! Бросились дети к воде, к солдату. Взял боец кружку, осторожно налил на донышко. Смотрит, кому бы дать. Видит,

рядом малыш с горошину. – На, – протянул малышу. Посмотрел малыш на бойца, на воду. – Папке, – сказал малыш. – Он там, он стреляет. – Да пей же, пей, – улыбнулся боец. – Нет, – покачал головой мальчонка. – Папке. – Так и не выпил глотка воды. И другие за ним отказались. Вернулся боец к своим. Рассказал про детей, про раненых. Отдал он каску с водой пулеметчику. Посмотрел пулеметчик на воду, затем на солдат, на бойцов, на друзей. Взял он каску, залил в металлический кожух воду. Ожил, заработал, застрочил пулемет. Прикрыл пулеметчик бойцов огнем. Снова нашлись смельчаки. К Бугу, смерти навстречу, поползли. Вернулись с водой герои. Напоили детей и раненых. Отважно сражались защитники Брестской крепости. Но становилось их все меньше и меньше. Бомбили их с неба. Из пушек стреляли прямой наводкой. Из огнеметов. Ждут фашисты – вот вот, и запросят пощады люди. Вот вот, и появится белый флаг. Ждали, ждали – не виден флаг. Пощады никто не просит. Тридцать два дня не умолкали бои за крепость «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» – написал на стене штыком один из последних ее защитников. Это были слова прощанья. Но это была и клятва. Сдержали солдаты клятву. Не сдались они врагу. Поклонилась за это страна героям. И ты на минуту замри, читатель. И ты низко поклонись героям.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Лиепая»

Шагает война огнем. Пылает земля бедой. На огромном пространстве от Балтийского до Черного моря развернулась грандиозная битва с фашистами. Наступали фашисты сразу в трех направлениях: на Москву, Ленинград и Киев. Распустили смертельный веер. Город Лиепая – порт Латвийской Советской Республики. Сюда, на Лиепая, был направлен один из фашистских ударов. Верят в легкий успех враги:– В наших руках Лиепая! Наступают фашисты с юга. Идут вдоль моря – прямой дорогой. Идут фашисты. Вот селение Руцава. Вот озеро Папес. Вот речка Барта. Все ближе и ближе город.– В наших руках Лиепая! Идут. Вдруг страшный огонь преградил дорогу. Остановились фашисты. Вступили фашисты в бой. Бьются, бьются, никак не пробьются. Не могут прорваться к Лиепаяе враги с юга. Изменили фашисты тогда направление. Обходят город теперь с востока. Обошли. Вот и город дымит вдали.– В наших руках Лиепая! Только пошли в атаку, как вновь шквалом огня ошметинилась Лиепая. На помощь солдатам пришли моряки. На помощь военным пришли рабочие. Взяли в руки они оружие. Вместе с бойцами в одном ряду. Остановились фашисты. Вступили фашисты в бой. Бьются, бьются, никак не пробьются. Не продвинутся фашисты и здесь, с востока. Дальше пошли

фашисты. Обошли Лиепая с севера. Окружили город с трех сухопутных его сторон. От моря до моря в тисках Лиепая. Торжествуют фашисты:– В наших руках Лиепая! Однако и здесь, на севере, преградили дорогу фашистам отважные защитники Лиепая. Бьется с врагом Лиепая. Сутки проходят. Бьется! Вторые проходят. Бьется! Третьи. Четвертые на исходе. Не сдается, держится Лиепая! Лишь когда кончились снаряды, патронов нет – отошли защитники Лиепая. Вступили фашисты в город.– В наших руках Лиепая! Но не смирились советские люди. Ушли в подполье. Ушли в партизаны. На каждом шагу ожидает фашистов пуля. Целую дивизию держат фашисты в городе. Борется Лиепая. Долго поминали враги Лиепая. Если в чем то у них неудача – говорили:– Лиепая! Не забыли и мы Лиепая. Если кто то стойко стоял в бою, если кто то сверх отважно с врагами дрался, и это отметить бойцы хотели, говорили:– Лиепая! Даже в рабство попав к фашистам, оставалась она в боевом строю – наша советская Лиепая.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Капитан Гастелло»

Шел пятый день войны. Летчик капитан Николай Францевич Гастелло со своим экипажем вел самолет на боевое задание. Самолет был большой двухмоторный. Бомбардировщик. Вышел самолет к намеченной цели. Отбомбился. Выполнил боевую задачу. Развернулся. Стал уходить домой. И вдруг сзади разрыв снаряда. Это фашисты открыли огонь по советскому летчику. Произошло самое страшное, снаряд пробил бензиновый бак. Загорелся бомбардировщик. Побежало по крыльям, по фюзеляжу пламя. Капитан Гастелло попытался сбить огонь. Он резко накренил самолет на крыло. Заставил машину как бы падать набок. Называется такое положение самолета скольжением. Думал летчик, собьется, утихнет пламя. Однако продолжала гореть машина. Свалил Гастелло бомбардировщик на второе крыло. Не исчезает огонь. Горит самолет, высоту теряет. В это время под самолетом внизу двигалась фашистская автоколонна: цистерны с горючим в колонне, автомашины. Подняли фашисты головы, следят за советским бомбардировщиком. Видели фашисты, как попал в самолет снаряд, как вспыхнуло сразу пламя. Как стал бороться летчик с огнем, бросая машину из стороны в сторону. Торжествуют фашисты.– Меньше одним коммунистом стало! Смеются фашисты. И вдруг...Старался, старался капитан Гастелло сбить с самолета пламя. Бросал с крыла на крыло машину. Ясно – не сбить огонь. Бежит навстречу самолету со страшной быстротой земля. Глянул Гастелло на землю. Увидел внизу фашистов, автоколонну, цистерны с горючим, грузовики. А это значит: придут цистерны к цели – будут заправлены бензином фашистские самолеты, будут заправлены танки и автомашины; ринутся на

наши города и села фашистские самолеты, пойдут в атаку на наших бойцов фашистские танки, помчатся машины, повезут фашистских солдат и военные грузы. Капитан Гастелло мог оставить горящий самолет и выброситься с парашютом. Но не воспользовался парашютом капитан Гастелло. Сжал он потверже в руках штурвал. Нацелил бомбардировщик на фашистскую автоколонну. Стоят фашисты, смотрят на советский самолет. Рады фашисты. Довольны, что их зенитчики наш самолет подбили. И вдруг понимают: прямо на них, на цистерны устремляется самолет. Бросились фашисты в разные стороны. Да не все убежать успели. Врезался самолет в фашистскую автоколонну. Раздался страшный взрыв. Десятки фашистских машин с горючим взлетели в воздух. Много славных подвигов совершили советские воины в годы Великой Отечественной войны – и летчики, и танкисты, и пехотинцы, и артиллеристы. Много незабываемых подвигов. Одним из первых в этом ряду бессмертных был подвиг капитана Гастелло. Погиб капитан Гастелло. А память осталась. Вечная память. Вечная слава.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Дерзость»

Произошло это на Украине. Недалеко от города Луцка. В этих местах, под Луцком, под Львовом, под Бродами, Дубно, разгорелись большие танковые бои с фашистами. Ночь. Колонна фашистских танков меняла свои позиции. Идут одна за одной машины. Наполняют округу моторным гулом. Командир одного из фашистских танков лейтенант Курт Видер отбросил башенный люк, вылез по пояс из танка, видом ночным любуется. Летние звезды с неба спокойно смотрят. Справа узкой полоской тянется лес. Слева поле бежит в низинку. Метнулся серебряной лентой ручей. Дорога вильнула, взяла чуть в гору. Ночь. Идут одна за одной машины. И вдруг. Не верит Видер своим глазам. Впереди перед танком раздался выстрел. Видит Видер: выстрелил танк тот, что шел впереди Видера. Но что такое? По своему же танку ударил танк! Вспыхнул подбитый, окутался пламенем. Замелькали, понеслись мысли одна за одной у Видера:– Случайность?!– Оплошность?!– Сдурели?!– Спятили?!Но в эту секунду и сзади выстрел. Затем третий, четвертый, пятый. Повернулся Видер. По танкам стреляют танки. Идущие сзади по тем, что идут впереди. Опустился Видер быстрее в люк. Не знает, какую команду давать танкистам. Смотрит налево, смотрит направо, и верно: какую давать команду? Пока раздумывал, снова раздался выстрел. Раздался рядом, и тут же вздрогнул танк, в котором был Видер. Вздрогнул, лязгнул и свечкой вспыхнул. Выпрыгнул Видер на землю. Метнулся стрелой в канаву. Что же случилось? За день до этого в одном из боев советские солдаты отбили у фашистов пятнадцать танков. Тринадцать из них оказались совсем исправными. Вот тут и решили наши использовать

фашистские танки против самих же фашистов. Сели советские танкисты в неприятельские машины, вышли к дороге и подкараулили одну из фашистских танковых колонн. Когда колонна подошла, незаметно влились в нее танкисты. Потом потихоньку перестроились так, чтобы в спину за каждым фашистским танком шел танк с нашими танкистами. Идет колонна. Спокойны фашисты. На всех танках кресты черные. Подошли к косогору. И вот тут – расстреляли наши колонну фашистских танков. Поднялся Видер с земли на ноги. Глянул на танки. Догорают они как угли. Взгляд перевел на небо. Звезды с неба как иглы колют. Вернулись наши к себе с победой, с трофеями.– Ну как – порядок?– Считай, что полный! Стоят танкисты. Улыбки светятся. В глазах отвага. На лицах дерзость.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Колючее слово»

По белорусской земле идет война. Подымаются сзади огнем пожарища. Шагают фашисты. И вот перед ними Березина – белорусских полей красавица. Бежит Березина. То разольется широкой поймой, то вдруг до протоки сузится, пробьется сквозь топи, сквозь зыби, прожурчит вдоль бора, вдоль леса, вдоль поля, к избам добротным под ноги бросится, улыбнется мостам, городам и селам. Вышли фашисты к Березине. Один из отрядов к селу Студянка. Прогромыхали бои у Студянки. Довольны фашисты. Еще новый рубеж захвачен. У Студянки места холмистые. Горбом здесь и правый и левый берег. Березина здесь течет в низине. Поднялись фашисты на холм. Как на ладони лежит округа. Уходит полями и лесом к небу. Шагают фашисты.– Песню! – командует офицер. Запели солдаты песню. Шагают фашисты, вдруг видят – памятник. На вершине холма, у дороги, стоит обелиск. Надпись внизу на памятнике. Остановились фашисты, перестали горланить песню. На обелиск, на надпись смотрят. Не понимают они по русски. Однако интересно, что же здесь написано. Обращаются один к другому:– О чем там, Курт?– О чем здесь, Карл? Стоят Курты, Карлы, Фрицы, Францы, Адольфы, Гансы, на надпись смотрят. И вот нашелся один, кто читал по русски. «Здесь, на этом месте...» – начал читать солдат. И далее о том, что здесь, на Березине, у села Студянка, в 1812 году русская армия под командованием фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова окончательно разгромила полчища французского императора Наполеона I, мечтавшего завоевать нашу страну, и изгнала захватчиков из пределов России. Да, это было именно в этом месте. Здесь, на Березине, у села Студянка. Дочитал солдат до конца надпись на памятнике. Посмотрел на своих соседей. Присвистнул Курт. Присвистнул Карл. Усмехнулся Фриц. Улыбнулся Франц. Зашумели другие солдаты:– Так когда это было!– Не та сила у Наполеона тогда была! Дальше пошли солдаты. Снова запели песню. Только что такое? Песня теперь не песня. Все тише и тише песня.– Громче, громче! –

командует офицер. Не получается что то громче. Вот и вовсе замолкла песня. Идут солдаты, вспоминают про 1812 год, про обелиск, про надпись на памятнике. Хотя и давно это, правда, было, хоть и сила у Наполеона не та была, да только как то испортилось вдруг у фашистских солдат настроение. Идут, повторяют:– Березина! Колочим вдруг оказалось слово.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Имение»

По Украине враги шагают. Рвутся вперед фашисты. Хороша Украина. Воздух душист, как травы. Земли жирные, как масло. Щедрое солнце светит. Пообещал Гитлер солдатам, что после войны, после победы, получают на Украине они имения. Шагает солдат Ганс Муттерфатер, подбирает себе имение. Приглянулось ему местечко. Речка журчит. Ракиты. Луг рядом с речкой. Аист.– Хорошо. Благодарь! Вот тут я, пожалуй, после войны останусь. Вот тут у речки построю дом. Прикрыл он глаза. Вырос красавец дом. А рядом с домом конюшня, амбары, сарай, коровник, свинарник. Расплылся в улыбке солдат Муттерфатер.

– Отлично! Прекрасно! Запомним место. Дальше идут фашисты. Хороша Украина. Взгорки. Низинки. В низинках лежат пруды. Села на взгорках. Внизу мосточки. Машет крылом ветряк. Глянул Ганс Муттерфатер:– Отличное место! Залюбовался. Вот тут я, пожалуй, после войны останусь. Вот тут, на взгорке, построю дом. Прикрыл он глаза. Вырос красавец дом. А рядом с домом другие службы: конюшня, амбары, сарай, коровник, свинарник. Запомнил солдат местечко. Дальше идут войска. Вновь остановка. Степью легли просторы. Нет им конца края. Поле лежит, как бархат. Грачи по полю словно князя шагают. Захвачен солдат безграничным простором. Смотрит на степи, на землю – душа играет.– Вот тут я, вот тут навсегда останусь. Прикрыл он глаза: колосится пшеницей поле. Рядом идут косцы. Это его колосится поле. Это на поле его косцы. А рядом пасутся коровы. Это его коровы. А рядом клюют индейки. Это его индейки. И свиньи его, и куры. И гуси его, и утки. И овцы его, и козы. А вот и красавец дом. Твердо решил Муттерфатер. Тут он возьмет имение. Не надо другого места.– Зер гут! – произнес фашист. – Навечно я здесь останусь. Хороша Украина. Щебра Украина. Сбылось то, о чем так мечтал Муттерфатер. Остался навечно здесь Ганс Муттерфатер, когда открыли бой партизаны. И надо же – тут же, прямо в его имении. Лежит Муттерфатер в своем имении. А рядом мимо дальше идут другие. Выбирают и эти себе имения. Кто на взгорке, а кто под горкой. Кто у леса, а кто у поля. Кто у пруда, а кто у речки. Смотрят на них партизаны:– Не толпитесь. Не торопитесь. Велика Украина. Щебра Украина. Места любому хватит.

Сергей АЛЕКСЕЕВ « Два танка»

В одном из сражений советский танк КВ (КВ – это марка танка) таранил фашистский. Разбит был фашистский танк. Пострадал, однако, и наш. От удара заглох мотор. Наклонился водитель механик Устинов к мотору, пытается запустить. Молчит мотор. Остановился танк. Однако танкисты бой не прекратили. Открыли по фашистам огонь из пушки и пулеметов. Стреляют танкисты, прислушиваются, не заработает ли мотор. Возится у мотора Устинов. Молчит мотор. Долгим был бой, упорным. И вот кончились у нашего танка боеприпасы. Совсем беспомощным теперь оказался танк. Одинок, молча стоит на поле. Заинтересовались фашисты одиноким стоящим танком. Подошли. Посмотрели – внешне цела машина. Залезли на танк. Бьют кованными сапогами по крышке люка.– Эй, рус!– Выходи, рус! Прислушались. Нет ответа.– Эй, рус! Нет ответа.«Погибли танкисты», – подумали гитлеровцы. Решили они танк утянуть, как трофей. Подогнали к советскому танку свой танк. Достали трос. Прикрепили. Натянулся трос. Потянула махина машину.«Плохи дела», – понимают наши танкисты. Наклонились к мотору, к Устинову:– А ну, посмотри сюда.– А ну, ковырни вот здесь.– Куда же ушла искра?!Пыхтит у мотора Устинов.– Ах ты, упрямец!– Ах ты, стальная твоя душа! И вдруг фыркнул, заработал мотор у танка. Схватился Устинов за рычаги. Быстро включил сцепление. Дал посильнее газ. Задвигались у танка гусеницы. Уперся советский танк. Видят фашисты, уперся советский танк. Поражаются: был недвижим – и ожил. Включили самую сильную мощность. Не могут сдвинуть с места советский танк. Ревут моторы. Тянут танки друг друга в разные стороны. Вгрызаются в грунт гусеницы. Летит из под гусениц земля.– Вася, нажми! – кричат танкисты Устинову. – Вася! Нажал до предела Устинов. И вот пересилил советский танк. Потянул за собой фашиста. Поменялись фашисты и наши теперь ролями. Не наш, а фашистский танк оказался сейчас в трофеях. Заметались фашисты, открыли люки. Стали прыгать из танка. Притащили герои неприятельский танк к своим. Смотрят солдаты:– Танк!– Фашистский!– Совсем целехонький! Рассказали танкисты о прошедшем бое и о том, что случилось.– Пересилили, значит, – смеются солдаты.– Перетянули!– Наш то, выходит, в плечах сильнее.– Сильнее, сильнее, – смеются солдаты. – Дай срок – то ли будет, братцы, фрицам. Что тут скажешь?– Перетянем?– Перетянем! Будут битвы. Быть победам. Только все это не сразу. Битвы эти впереди.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Полным полно»

Сражение с фашистами шло на берегах Днепра. Вышли фашисты к Днепру. В числе других захватили и село Бучак. Разместились там фашисты. Много их –

около тысячи. Установили минометную батарею. Берег высокий. Далеко фашистам с откоса видно. Бьет по нашим фашистская батарея. Оборону на левом, противоположном берегу Днепра держал полк, которым командовал майор Музагик Хайретдинов. Решил Хайретдинов проучить фашистов и фашистскую батарею. Отдал приказ провести ночную атаку на правый берег. Стали советские солдаты готовиться к переправе. Раздобыли у жителей лодки. Весла, шесты достали. Погрузились. Оттолкнулись от левого берега. Ушли в темноту солдаты. Не ожидали фашисты атаки с левого берега. Село на круче от наших днепровской водой прикрыто. Спокойны фашисты. И вдруг обрушились огненным звездопадом советские бойцы на врагов. Смяли. Сжали. С кручи днепровской сбросили. Уничтожили и фашистских солдат, и фашистскую батарею. Вернулись бойцы с победой на левый берег. Утром к селу Бучак подходили новые фашистские силы. Сопровождал фашистов молодой лейтенант. Рассказывает лейтенант солдатам про Днепр, про днепровские кручи, про село Бучак.— Там наших полным полно! Уточняет — мол, минометная батарея стоит на круче, виден с кручи весь левый берег, от русских фашисты днепровской водой, как стеной, прикрыты, а солдаты в Бучаке расположились, как у Христа за пазухой. Подходят к селу фашисты. Что то тихо кругом, беззвучно. Пусто кругом, безлюдно. Удивляется лейтенант:— Да было же наших полным полно! Вступили в село фашисты. Вышли к днепровской круче. Видят, на круче лежат убитые. Посмотрели налево, посмотрели направо — и верно, полным полно. Не только за село Бучак — во многих тогда местах на Днепре завязались упорные бои с фашистами. Сильный удар по фашистам нанесла здесь 21 я советская армия. Переправилась армия через Днепр, обрушилась на фашистов, освободили советские солдаты города Рогачев и Жлобин, направились на Бобруйск. Всполошились фашисты:— Рогачев потерян!— Потерян Жлобин!— Противник идет к Бобруйску! Пришлось фашистам срочно отозвать свои войска с других участков. Погнали они под Бобруйск огромные силы. Едва удержали Бобруйск фашисты. Удар 21 й армии был не единственным. И в других местах на Днепре крепко досталось тогда фашистам.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Лесная дорога»

Шли бои в Белоруссии южнее города Могилева. Фашистский танковый батальон лесной дорогой продвигался вперед. Осторожно идут фашисты. Дорога узкая. Вплотную подходит лес. Справа и слева болото. Свернешь чуть вправо, свернешь чуть влево — уйдешь в трясину, как камень в воду. Гуськом один за одним продвигаются танки. Замыкает колонну бронемашина.

Жутковато идти по такой дороге. С тревогой фашисты на лес косятся. Не обмануло врагов предчувствие. Грянул из леса пушечный выстрел. Вздогнул передний танк, лязгнул броней и вспыхнул. Остановилась колонна.— Обходи, объезжай! Рехтс! Линке! (Правее! Левее!) — командует офицер. Хотели фашисты объехать застрявший танк. Взял второй танк чуть правее. Только к болоту сунулся — и тут же по грудь в трясину. Попытался другой свернуть чуть налево. Только с дороги сдвинулся — и тут же в болото ушел по шее. Перекрылась вперед дорога.— Цурюк! Цурюк! (Назад! Назад!) — командует теперь офицер. Включили танки заднюю скорость. Только собрались назад попятиться. Но в это время снова раздался выстрел. Попал снаряд в бронемашину, ту, которая замыкала колонну. Вспыхнула бронемашина. Перекрылась назад дорога. Оказались фашисты как мышь в ловушке. Ни влево, ни вправо. Ни вперед, ни назад. Стоят на лесной дороге танки словно мишени в тире. Снова раздался выстрел. Третий вышел из строя танк. Снова выстрел. Горит четвертый. Развернули фашисты танковые башни в ту сторону леса, откуда стреляла пушка, сами огонь открыли. Но не смолкает пушка, ведет стрельбу. Пятый вышел из строя танк, шестой. Рассмотрели фашисты — у русской пушки всего лишь один солдат. Схватили враги автоматы. Пытаются сквозь болото пробиться к пушке. Пока пробирались, расстрелял отважный артиллерист всю колонну фашистских танков. Расстрелял, но и сам погиб в неравном бою с фашистами. Смотрят фашисты на советского воина. Прибыл сюда генерал. Тоже смотрит на убитого, на уничтоженный танковый батальон. Смотрит. Молчит.— Н да, — протянул задумчиво. Потом повернулся к своим солдатам: — Вот как надо любить фатерланд — родину! Сказал, глянул опять на советского артиллериста, молча пошел прочь. Как же звать, величать героя? Сохранила имя его история. Старший сержант Николай Сиротинин.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Испаряются»

Фашисты наступали на Ленинград. Упорные бои развернулись у города Луги. Здесь проходил один из рубежей советской обороны. Надежно держали бойцы боевой рубеж. Бросались фашисты в атаки, бросались, стучались в ворота Луги, не могли ворваться. Был у фашистов один лейтенант. Своеобразно любил докладывать. Прибыл лейтенант на доклад к майору. Майор лейтенанту:— Ну как обстоят дела?— Убывают.— Что убывают?— Как дни.— Что, как дни?— Зимой.— Что зимой?— Убывают наши силы, как дни зимой. Не взяли фашисты Лугу. Отошли. Южнее теперь ударили. Рвались, рвались фашисты южнее Луги, в оборону советских частей стучались, не могут и здесь прорваться. Прибыл

лейтенант на доклад к майору.— Ну, как обстоят дела?— Тают.— Что тают?— Как снег.— Что, как снег?— Весною.— Что весною?— Тают наши силы, как снег весною. Не прорвались фашисты южнее Луги. Отошли. Перестроились. В новом месте удар наносят. С севера Лугу теперь обходят. Кидались фашисты в атаки, кидались, стучались огнем, стучались, не могут и здесь продвинуться. Прибыл лейтенант на доклад к майору.— Ну как обстоят дела?— Испаряются.— Что испаряются?— Словно роса.— Что, словно роса?— В июле.— Что в июле?— Испаряются наши силы, словно роса в июле. Идут бои за каждый город, за каждый поселок, за каждый выступ. Все новые силы бросают в бой фашисты. Убывают, тают, испаряются эти силы.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Не пустили»

Балтийское море. Проливы. Заливы. Волны бегут лебединой стаей. Вместе с пехотинцами, летчиками, танкистами, артиллеристами стали на защиту Родины и советские моряки. Главный удар на море фашисты старались нанести по Краснознаменному Балтийскому флоту. Уничтожить советские корабли на Балтике, захватить морскую крепость Кронштадт, подойти к Ленинграду с моря — таковы намерения у фашистов. Не допустить к Ленинграду фашистов, перерезать морские пути и дороги, разгромить фашистов в Балтийском море — такова задача у наших воинов. Началась упорная борьба на море. Капитан II ранга Грищенко командовал советской подводной лодкой. В первые же дни войны отличилась лодка. Получила она задание установить на путях у фашистов мины. Установили подводники мины. Точно рассчитали советские моряки. Сразу три фашистских корабля подорвались на этих минах.— Специалист по минам, — сказали тогда в шутку о капитане Грищенко. Не ошиблись товарищи. Вскоре подводная лодка капитана Грищенко вновь была в боевом походе. Снова задание ставить мины. Нелегкая это работа поставить мины. Кругом бродят рыщут фашистские корабли. С неба за морем следят фашистские самолеты разведчики. Из под воды подняли свои перископы и наблюдают за морем подводные лодки врага. Но даже если поставил мины, это еще не все. В море находились фашистские тральщики. Это специальные корабли, которые при помощи особого устройства — трала вылавливают мины, расчищают в минных полях проходы. Прошел тральщик, выловил, обезопасил мины — пропала твоя работа. Ушел капитан Грищенко в боевой поход. Начал борьбу с фашистскими тральщиками. Умно поступили советские моряки. Пришли подводники в море к фашистским морским путям, достигли тех мест, где поставлены наши мины. Ждут поджидают, когда появятся фашистские

тральщики. Вот появились фашисты. Забросили тралы. Идут, расчищают путь. Трудятся фашисты, а сзади за фашистскими тральщиками идет подводная лодка капитана Грищенко и снова ставит на тех же местах мины. Закончили фашистские тральщики свою работу, расчистили в минных полях проходы, докладывают:— Все в порядке, путь для судов открыт. Идут по проходам фашистские корабли. И вдруг взрыв! И еще взрыв! Взлетают в воздух фашистские корабли.— Чья работа?— Работа Грищенко! И после этого случая не раз отличался находчивый капитан. Капитан Грищенко и его боевые подводники были награждены высокими советскими орденами. Не прорвались фашисты в годы войны к Кронштадту. Не прорвались и к Ленинграду морем. Не пустили врагов балтийцы.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Смоленский градобой»

10 июля 1941 года началось грандиозное сражение у Смоленска. С запада, с севера, с юга идет враг. Полыхает огнем Смоленщина. То наступают фашисты, то наши идут в атаку, то давят опять фашисты, то мы отвечаем огнем и сталью. Бои под Смоленском у села Градобой фашисты называли ступенью ада. Нелегко здесь пришлось фашистам. На редкость упорным село оказалось. Клином вбились фашистам в память. Еще на дальних подходах к селу накрыл минометный огонь фашистов. Прошлись по фашистам градом железных мин. Осколки как гвозди к земле их пришили. Посмотрели фашисты на место боя. Вот он, для многих рубеж последний. Сосчитали своих убитых. Треть полегла на поле. Каждый третий простился с жизнью.— Ад! — впервые сказали тогда фашисты. Потом, рядом уже с селом, почти у самой его околицы, пулеметный огонь окатил фашистов. Хлынули пули железным ливнем. Преградили путь фашистам. Посмотрели фашисты на место боя. Вот он снова, рубеж смертельный. Сосчитали своих убитых. Снова треть распрощалась с жизнью. Каждый третий остался в поле.— Ад! — прокричали опять фашисты. — Это не бой, а ад! Ворвались в село фашисты. Вот вот осият наших. Вот вот в руках победа. Но тут наши в штыки поднялись, пошли в атаку. Блеснуло на солнце граненой сталью. Взлетели штыки, как пики. Кольнули фашистов железным жалом. Опрокинули наши в бою фашистов. Лишь через несколько дней, когда подошли сюда танки, пушки, взяли фашисты село Градобой. Узнают фашисты: что за село такое? Отвечают фашистам:— Село Градобой.— Как, как?— Градобой! — говорят фашистам.— Градо бой?! — удивленно твердят фашисты. Два месяца не утихали бои на полях у Смоленска. Несут фашисты в боях потери. Атакуют фашистов наши.— Прорыв к Смоленску!— Прорыв на Ельню! Бьют фашистских

захватчиков у города Ярцева. Ломают кости у Духовщины. Пламенеет, полыхает земля вокруг. Идут, идут, как дожди, бои. Героически сражается Советская Армия. Изничтожает фашистскую грозную силу. Нет для врагов пощады. Несладко фашистам под смоленским огненным градобоем.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Как Сотая стала Первой»

Слава ее началась под Минском. Севернее города Минска сражалась дивизия, которая носила сотый номер. Отважные, упорные бойцы подобрались в Сотой. Умелые командиры. Атаковали фашисты под Минском Сотую. Стоит неприступно дивизия. И раз, и два, и три, и четыре бросались в атаку фашисты. Разбиваются все атаки, как волны о мол. В гневе фашистские генералы:– Кто там такой упорный?!Отвечают фашистам:– Сотая! Мало того что упорной оказалась дивизия в обороне, удержав под Минском фашистов, сама перешла в наступление. Гнала фашистов и час, и второй, и третий. На четырнадцать километров от Минска врагов отбросила. В гневе фашистские генералы:– Кто там такой напористый?!Отвечают фашистам:– Сотая!– Та самая?– Та. Затем в боях на реке Березине вновь отличилась Сотая. Стояла опять стеной. Бились фашисты об эту стену и день, и второй, и третий. И вновь генералы в гневе:– Кто там такой бетонный?!Отвечают фашистам:– Сотая.– Та самая?– Та. Большие потери фашисты несут от Сотой. Особенно танки. Беда им от встреч с дивизией. 150 машин потеряли фашисты, сражаясь с Сотой. Когда запыхала Смоленская битва, здесь снова в героях Сотая. Потом под Ельней наши войска прорвались. И снова была здесь Сотая. Снова фашистов била. По всему фронту слава идет об отважной дивизии. И дальше упорно сражалась Сотая. Да и не только она одна. В Советской Армии много людей отважных. Много героических дивизий, полков и рот. 18 сентября 1941 года было знаменательным днем для Советской Армии. В этот день четверем наиболее отличившимся дивизиям было присвоено наименование гвардейских. Родилась Советская гвардия. В числе этих первых была стрелковая Сотая дивизия. Много стало потом гвардейских: полков, дивизий и даже армий. Однако первой все же стала Сотая. Так и называлась теперь она – 1 я гвардейская стрелковая дивизия. Слава стрелковой Сотой! Слава гвардейской Первой!

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Как «Катюша» «Катюшей» стала»

«Катюши» – это реактивные минометные установки, которые в первые дни войны появились в Советской Армии. Снаряды «катюш» обладали огромной разрушительной силой. К тому же, летя по небу, они оставляли угрожающий огненный след. Впервые «катюши» были применены 14 июля 1941 года в боях под городом Оршей. Идут фашисты. Орша рядом. Орша наша, считают уже фашисты. Еще шаг, еще два – и схватят город за горло. Идут фашисты, и вдруг... Словно разорвалось на части небо. Словно встало оно на дыбы. Словно стрелы огня и лавы метнуло небо сюда на землю. Это реактивные снаряды «катюш» открыли огонь по фашистам.– Тойфель!– Тойфель!– Дьявол в небе! – кричат фашисты. Немного фашистов тогда уцелело. Кто выжил, зайцем метнулся к себе в тылы.– Дьявол, дьявол в небе! – кричат фашисты. И выбивают зубами пляс. Следующий, еще более сильный удар по фашистам «катюши» произвели во время Смоленского сражения. Потом «катюши» принимали участие в великой Московской битве, в боях под Сталинградом, затем громили врагов под Орлом и под Курском, под Киевом и под Минском и во многих других местах.«Катюша» не сразу «катюшей» стала. Вначале солдаты называли ее «Раисой».– «Раиса» приехала.– «Раиса» послала гостинцы фрицам.З атем более уважительно стали звать «Марией Ивановной».– «Мария Ивановна» к нам пожаловала.– «Мария Ивановна», братцы, прибыла. И только потом кто то сказал «Катюша»! Понравилось солдатам это простое имя. Были в нем душевность и ласковость.Д аже песню сложили солдаты тогда про «катюшу». Вот два куплета из этой песни: Шли бои на море и на суше, над землей гудел снарядов вой. Выезжала из лесу «катюша»На рубеж знакомый, огневой. Выезжала, мины заряжала, сокрушала изверга врага. Ахнет раз – и роты не бывало. Ахнет два – и нет уже полка! Знаменитой «катюше» сейчас установлен памятник. Стоит он там, где «катюша» впервые открыла огонь по фашистам. В городе Орше, на берегу Днепра.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Солдатское имя»

11 июля 1941 года фашисты подошли к городу Киеву. Начались тяжелые бои за столицу Советской Украины. Среди защитников Киева был боец – наводчик противотанковых орудий рядовой Георгий Никитин. Еще перед боем один пожилой солдат, посмотрев на Никитина, вдруг сказал:– Отличиться, Никитин, тебе в боях. Расплылся солдат в улыбке. Приятно такое слышать.

Заинтересовался Никитин, обратился к пожилому солдату с вопросом, почему это тот так думает.— Имя твое такое, — ответил ему солдат. Смутился Никитин: при чем здесь имя? Имя как имя. Простое русское: Георгий. Начался бой. На Киев рвались фашистские танки. Стал Никитин к своему орудию. Припал к прицелу. Быстро, ловко солдат орудует. Выстрел! Выстрел! Споткнулся один из фашистских танков. Железом лязгнул. Мотором фыркнул. Замер. Продолжает стрельбу Никитин. Выстрел! Выстрел! Замер второй фашистский танк. За этим третий, затем четвертый. Но тут подбили и орудие рядового Никитина. Подбежал он тогда к соседям. Стал стрелять из соседней пушки. Выстрел! Выстрел! Снаряд снова сразил врага Выстрел! Выстрел! И снова Никитин стрелял без промаха. Но вдруг и это орудие вышло из строя. Из третьего Никитин начал стрелять орудия. Девять танков подбил в том бою Никитин. Закончился бой. Подходит к Никитину пожилой солдат — тот самый. Хлопает по плечу:— Герой ты. Победоносец! Оправдал ты, выходит, имя. Смотрит солдат молодой на старого.— Имя, скажи, при чем? Рассказал тогда старый, что имя Георгий имеет добавление — Победоносец. Был мифический герой Георгий. В грозном бою победил он страшного дракона. Вот и был назван Победоносцем.— Отсюда и Георгиевский крест, и Георгиевская медаль, — стал перечислять пожилой солдат награды, которыми отмечались боевые подвиги офицеров и солдат в старой русской армии.— Понятно, — сказал молодой солдат. — Только в нашей армии не один Георгий в Победоносцах. Это добавление смело можно приставить к Петрам, и к Иванам, и к Федорам.— Верно, — сказал пожилой солдат. — Не один ты с солдатским именем победоносным.— Выходит, побьем мы, отец, фашистов?— Побьем! Непременно побьем! — произнес солдат. Так потом и случилось. Разбили советские солдаты фашистов, завершили войну победой. Над Берлином, над рейхстагом водрузили наше знамя. Только все это не сразу. Эта доблесть впереди. Более двух месяцев обороняли герои Киев. Стояли стеной на пути у фашистов.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Побывали»

Фашисты продолжали двигаться на Ленинград. После упорных, кровопролитных боев 8 сентября 1941 года они вышли к Ладожскому озеру, к реке Неве. Враги оказались у самых границ великого города. Смотрят фашисты в бинокль. Дома и улицы города видят. Шпиль Петропавловской крепости разглядывают. Адмиралтейскую иглу рассматривают. Мечтают они о том, как прошагают по ленинградским проспектам — по Невскому, по Литейному, пройдут вдоль Невы, вдоль Мойки, Фонтанки, мимо Летнего сада, Дворцовой

площади. Верят фашисты в успех, в победу. Двинулись фашисты на Ленинград. Бились, бились, бросались свинцовой волной в атаки. Устоял Ленинград в атаках. Не прорвались фашисты. Не раз штурмовали фашисты город. Но за всю войну ни один из фашистских солдат так и не прошел по Ленинграду. Это известно всем. Это историческая истина. И вдруг нашелся среди советских бойцов один.— Нет, побывали, — сказал боец. — Побывали! Как же. Было такое дело. Да, действительно, был такой случай. Не взяв город «в лоб», фашисты решили обойти Ленинград с востока. План у фашистов такой. Восточнее Ленинграда прорвутся они с левого южного берега, ворвутся в город. Уверены фашисты, что тут, на правом берегу Невы, мало советских войск, что тут и откроется путь к Ленинграду. Начали фашисты переправу через Неву ночью. Решили к рассвету быть в Ленинграде. Погрузились фашисты на плоты. Отплыли от берега. Река Нева не длинная. Всего то в ней семьдесят четыре километра. Недлинная, но широкая. Широкая и полноводная. Вытекает она из Ладожского озера, течет в сторону Ленинграда и там, где стоит на ее берегах Ленинград, впадает в Балтийское море. Переправляются фашисты через Неву, достигли уже середины. И вдруг оттуда, с правого берега, обрушился на фашистов ураганный огонь. Это стала стрелять наша артиллерия. Это ударили советские пулеметы. Точно стреляли советские воины. Разгромили они фашистов, не пустили на правый берег. Гибнут фашисты, срываются с плотов в воду. Подхватывает Нева трупы фашистских солдат, несет на волнах, несет на плотах вниз по течению. И вот свершились мечты фашистов. Оказались они в Ленинграде. Точь в точь как хотели, как раз к рассвету. Проплывают фашисты мимо Летнего сада, мимо Фонтанки, Мойки, мимо Дворцовой площади. А вот и шпиль Петропавловской крепости. А вот и Адмиралтейская игла все так же шпагой пронзает небо. Все точно так, как мечтали о том фашисты. Разница лишь в одном. Живыми мечтали вступить в Ленинград фашисты. Живыми. А тут... Несет свои воды река Нева. Плывут в свой последний маршрут фашисты. 900 дней находился Ленинград в фашистской блокаде, 900 дней не утихали бои на подступах к городу. Но так и не смогли фашисты осилить Ленинград и ленинградцев. Не зря известный советский поэт Николай Тихонов, говоря о ленинградцах, тогда воскликнул: Гвозди б делать из этих людей: Крепче б не было в мире гвоздей.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Фирменное блюдо»

Игорь Воздвиженский — повар в стрелковой роте. Мастер он поварского дела. Когда то служил в заводской столовой. Кашеваром теперь на фронте. Служит

он при походной кухне. Конь Пират у него в помощниках. В каких бы боях ни бывала рота, какой бы ни выдался тяжкий час, точен всегда Воздвиженский. Вовремя сварены щи и каша. Соберутся солдаты к походной кухне. Ложки, как ружья, готовы к бою. Котелки наполняют округу звоном. Отдыхают сейчас солдаты. Хвалят еду солдаты:– Отличные щи!– Преотменная каша! Рота сражалась на западном направлении. Нелегкие выпали дни для роты. Рвутся и рвутся вперед фашисты. Рота из боя вступает в бой. Рота не знает отдыха. Было дело как раз к обеду. Возится в лесочке у кухни Воздвиженский. Готовы у повара щи и каша. Тронул солдат Пирата. На передке, на кухне, сидит Воздвиженский. Едет обед к героям.

Выехал из леса Воздвиженский. Краем леса свернул к оврагу. Тут у оврага сражалась рота. Прибыл к оврагу. Нет на месте стрелковой роты. Взял левее, затем правее. Нет. Не видно нигде солдат. Часто такое тогда бывало. Меняли место в бою войска. Так, видно, случилось и в этот раз. И верно. Слышит солдат за соседней рощей грохот ружейного боя. Вот где дерется с врагами рота. К роще направил солдат Пирата. Вот она рядом, роща. И вдруг навстречу бегут фашисты.– Рус! – кричат. – Рус!– Рус, капут! Бежит фашистов до полувзвода.– Кюхе! Кюхе! (Кухня! Кухня!) – кричат фашисты.– Зупе! Зупе! (Суп! Суп!) – голоса фашисты. Бросились фашисты к походной кухне:– Вот так трофей к обеду!– Попробуем русской каши! Растерялся Воздвиженский – не тех ожидал увидеть. Но ненадолго. Схватил автомат Воздвиженский:– А ну, подходи! А ну, подходи! Полоснул по врагам солдат. Схватил гранату, швырнул гранату. Затем вторую. И следом – третью. Отбил атаку врагов Воздвиженский. Посмотрел на фашистских солдат, на побитый вражеский полувзвод. Вытер вспотевший лоб. Пирата по крупу любовно хлопнул. Тронулся дальше в путь. Разыскал он родную роту. Доложил командиру. Объяснил опоздание. Посмотрел командир на бойца лукаво:– Выходит, обедом врагов кормил. Не понял Воздвиженский:– Да нет же...Улыбается командир.– Кормил, кормил! – и уточняет: – Нашей русской, солдатской, свинцовой кашей. Идут, идут, не утихают кругом бои. На севере, на юге, на западе бьются наши бойцы с врагами. Бьются, разят фашистов. Угощают свинцовой кашей.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Холм Жарковский»

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.«Тайфун» – назвали фашисты план своего наступления. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты. Обойти Москву с севера, с юга. Схватить советские армии в

огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план. Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолетов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала. На одном из главных участков фронта фашистские танки двигались к населенному пункту Холм Жирковский. Подошли к поселку фашисты. Смотрят. Что он танкам – какой то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина. – Форвертс! Вперед! – прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: – Десять минут на штурм. Пошли на Жирковский танки. Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада. Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые. Ползут на окопы танки. Один прямо идет на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк. – Бросай, бросай! – кричит сосед по окопу. Не бросает Унечин. Выждал еще минуту. Вот и рядом фашистский танк. Поднялся Унечин, швырнул гранату. Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер. Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил. Слева и справа идет сражение. Не пропускают герои танки. Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждет. Новый танк громыхнул металлом. И этот идет на Унечина. Выждал Унечин минуту, вторую, третью... Бросил гранату. А следом бутылку с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк. Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом ее поставил. Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки. Десять минут прошло... Тридцать минут прошло. Час продолжается бой, два – не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застраили они в Жирковском. Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин. К исходу суток пришел приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идет Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые. Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты – все поле в подбитых танках: земли и металла сплошное месиво. Кто то сказал: – Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский. – Не Жирковский, считай, Жарковский, – кто то другой поправил. Посмотрели

солдаты опять на поле:— Конечно же, Холм Жарковский! Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Генерал Жуков»

Командующим Западным фронтом — фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков. Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку. Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги. Находят офицеры на карте Юхнов.— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города... — и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты. Переглянулись офицеры. Удивленно на Жукова смотрят.— Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков. Продолжают офицеры докладывать обстановку.— Вот тут, — находят на карте город Медынь, — на северо запад от города, сосредоточил противник большие силы. — И перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...— Так так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы эти вот тут, — уточняет по карте Жуков. Опять офицеры удивленно на Жукова посмотрели.— Слушаю дальше, — сказал командующий. Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.— Не сомневайтесь. Все именно так. У меня точнее. Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб — поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения. Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в Великой Московской битве.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Московское небо»

Было это еще до начала Московской битвы. Решал Гитлер в Берлине: как поступить с Москвой? Думал, думал...

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и все живое. «Сразу погибнет все: люди, дома и Московский Кремль!» Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море! «Будут помнить меня потомки!» Потом подумал: «Э э, пока набежит вода...» – Ждать?! Нет, не согласен он долго ждать. – Уничтожить сейчас же! В сию минуту! Подумал Гитлер, и вот приказ: – Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землей! Выбросил руку вперед, как шпагу: – Уничтожить! Сровнять с землей! – Так точно, сровнять с землей, – замерли в готовности фашистские генералы. 22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налет на Москву. Сразу 200 самолетов послали в этот налет фашисты. Нагло гудят моторы. Развалились в своих креслах пилоты. Все ближе Москва, все ближе. Потянулись фашистские летчики к бомбовым рычагам. Но что такое?! Скрестились в небе своими лучами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам краснозвездные советские истребители. Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроился строй врагов. Лишь немногие самолеты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придется, скорей бы их сбросить и бежать отсюда. Сурово московское небо. Крепко наказан непрошенный гость. 22 самолета сбито. – Н да... – протянули фашистские генералы. Задумались. Решили посылать теперь самолеты не все сразу, а небольшими группами. Вновь 200 самолетов летят на Москву. Летят небольшими группами – по три четыре машины в каждой. И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали краснозвездные истребители. В третий раз посылают фашисты на Москву самолеты. Новый придумали план гитлеровские генералы. Надо самолеты послать в три яруса, решили они. Одна группа самолетов пусть летит невысоко от земли. Вторая – чуть выше. А третья – и на большой высоте, и чуть с опозданием. Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, рассуждают генералы, а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдет третья группа, и летчики сбросят бомбы точно на цели. И вот снова в небе фашистские самолеты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках. Идет группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, – третья. Самым последним летит самолет особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолеты Москву, привезет снимки генералам... Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолет. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолетов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути. Непроступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчет фашистов. Мечтал фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось? Биты фашисты. Москва же стоит и цветет, как прежде. Хорошеет от года к году.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Тульские пряники»

Тульский пряник вкусный вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость... Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле. Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны. Тула – город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство вооружения. Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренек, находчивый, веселый. Как то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Подошел Ваня к готовым минам. Наклейки на мины – шлеп, шлеп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник». Улыбаются рабочие: – Вот так фашистам «сладость». – Фрицам хорош «гостинец». Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят саперы на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах – «тульский пряник». Улыбаются солдаты: – Ай да «сюрприз» фашистам! – Ай да «гостинец» фрицам! Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждем новую партию «тульских пряников». В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу. А все, что из Тулы приходило теперь на фронт – снаряды и патроны, минометы и мины, – стали называть солдаты тульскими пряниками. Долго штурмовали фашисты Тулу. Да все напрасно. Так и не прорвались фашисты к Туле. Видимо, хороши «тульские пряники»!

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Красная площадь»

1941 год. 7 Ноября. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро Фоминска, Серпухова и Тарусы. Но как всегда, в этот дорогой для всех граждан Советского Союза день в Москве, на Красной площади, состоялся военный парад в честь великого праздника. Замер солдат Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители партии и члены правительства на ленинском Мавзолее. Все точь в точь как в былое мирное время. Только редкость для этого дня – от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лег на стены Кремля, на площадь. 8 часов утра. Застыли на минуту стрелки часов на кремлевской башне. Отбили куранты время. Все стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравляет войска с годовщиной Великого Октября. Опять все стихло. Еще минута. И вот вначале тихо, а затем все громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР товарища Сталина. Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжелые времена. Что первую годовщину Великого Октября мы встречали окруженными со всех сторон. Что против нас тогда воевало 14 капиталистических государств и мы потеряли три четвертых своей территории. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас. – На вас, – долетают слова до Митрохина, – смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. Застыли в строю солдаты. – Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, – летят сквозь мороз слова. – Будьте же достойными этой миссии! Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьезнее, строже. – Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая, – говорил Сталин. – Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! И сразу же после речи Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шли артиллерия и кавалерийские части, прогремели металлом танки. Все это здесь, на Красной площади, в такой тревожный час, казалось чудом. И вот войска, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, снова направлялись на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза. Шли

солдаты. Шел рядовой Митрохин. И с ним шагала песня: Пусть ярость благородная вскипает, как волна, –Идет война народная, Священная война!

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Подвиг у Дубосекова»

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили свое наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришелся по дивизии генерала Панфилова. Разъезд Дубосеково. 118 й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь. Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов. Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:– Двадцать штук. Усмехнулся Клочков:– Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.– Меньше, – сказал рядовой Емцов.– Конечно, меньше, – сказал Петренко. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Вступили герои в бой.– Ура! – разнеслось над окопами. Это солдаты первый подбили танк. Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул броней и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.– Поперхнулся, видать, разбойник, – произнес сержант Петренко.– Эка же, хвост поджал. Передохнули солдаты. Видят – снова идет лавина. Сосчитали – тридцать фашистских танков. Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе все танки, ближе.– Друзья, – произнес Клочков, – велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва. Вступили солдаты в битву. Все меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов, Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Все меньше и меньше солдат и гранат. Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков. Стойко сражались герои панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов. Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково – для каждого русского сердца дорогое, святое место.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Напишу из Москвы»

Не удастся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.– Брать ее штурмом, брать ее в лоб! – отдают приказ фашистские генералы. И вот вечер

накануне нового наступления. Обер лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал чернила, бумагу. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. «Дорогой дядюшка! Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Зовет начальник штаба. Утром напишу из Москвы». Новую свою попытку взять Москву фашисты начали с самого кратчайшего, Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро Фоминском, устремились вперед. Торжествуют фашистские генералы. Посылают депешу быстрее в Берлин: «Путь на Москву открыт!» Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать... Деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше. Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро Фоминска. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не пробились фашисты дальше. Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. У деревень Бурцево и Юшково – стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака. Отползли, отошли фашисты. Успокаивают сами себя фашистские генералы: – Ничего, ничего – отдохнем, поднажмем, осилим! А в это время с востока подходили к Москве свежие силы, войска получали новые танки и новые пушки. Советская Армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу. Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению. И он поступил. На одних участках фронта 5 го, а на других 6 декабря 1941 года войска перешли в грандиозное наступление. Советская Армия стала громить врага и погнала его на запад. Ну а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер? Нет, не успел. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Дом»

Советские войска стремительно продвигались вперед. На одном из участков фронта действовала танковая бригада генерал майора Катукова. Догоняли врага танкисты. И вдруг остановка. Взорванный мост впереди перед танками. Случилось это на пути к Волоколамску в селе Новопетровском. Приглушили танкисты моторы. На глазах уходят от них фашисты. Выстрелил кто то по фашистской колонне из пушки, лишь снаряды пустил по ветру. – Бродом, – кто

то предложил, – бродом, товарищ генерал, через речку. Посмотрел генерал Катуков – петляет река Маглуша. Круты берега у Маглуши. Не подняться на кручи танкам. Задумался генерал. Вдруг появилась у танков женщина. С нею мальчик.– Лучше там, у нашего дома, товарищ командир, – обратилась она к Катукову. – Там речка уже. Подъем положе. Двинулись танки вперед за женщиной. Вот дом в ложине. Подъем от речки. Место здесь вправду лучше. И все же... Без моста не пройти тут танкам.– Нужен мост, – говорят танкисты. – Бревна нужны.– Есть бревна, – ответила женщина. Осмотрелись танкисты вокруг – где же бревна?– Да вот они, вот, – говорит женщина и показывает на свой дом.– Так ведь дом ваш! – вырвалось у танкистов. Посмотрела женщина на дом, на воинов.– Да что дом – деревяшки полешки. То ли народ теряет... О доме ль сейчас печалиться, – сказала женщина. – Правда, Петя? – обратилась к мальчику. Затем снова к солдатам: – Разбирайте его, родимые. Не решаются трогать танкисты дом. Стужа стоит на дворе. Зима набирает силу. Как же без дома в такую пору? Поняла женщина:– Да мы в землянке уж какнибудь. – И снова к мальчику: – Правда, Петя?– Правда, маманя, – ответил Петя. И все же мнутя, стоят танкисты. Взяла тогда женщина топор, подошла к краю дома. Первой сама по венцу ударила.– Ну что ж, спасибо, – сказал генерал Катуков. Разобрали танкисты дом. Навели переправу. Бросились вслед фашистам. Проходят танки по свежему мосту. Машут руками им мальчик и женщина.– Как вас звать величать? – кричат танкисты. – Словом добрым кого нам вспоминать?– Кузнецовы мы с Петенькой, – отвечает танкистам женщина.– А по имени, имени отчеству?– Александра Григорьевна, Петр Иванович.– Низкий поклон вам, Александра Григорьевна. Богатырем становись, Петр Иванович. Догнали танки тогда неприятельскую колонну. Искрошили они фашистов. Дальше пошли на запад. Отгремела война. Отплясала смертями и бедами. Утихли ее сполохи. Но не стерла память людские подвиги. Не забыт и подвиг у речки Маглуши. Поезжай ка в село Новопетровское. В той же ложине, на том же месте новый красуется дом. Надпись на доме: «Александре Григорьевне и Петру Ивановичу Кузнецовым за подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны».Петляет река Маглуша. Стоит над Маглушей дом. С верандой, с крылечком, в резных узорах. Окнами смотрит на добрый мир.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Ни шагу назад!»

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге. Шло сражение на подступах к Сталинграду. 16 солдат гвардейцев вступили в неравный бой.– Ни

шагу назад! – поклялись герои. Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою. Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою. Четыре атаки отбили солдаты. Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки. С танками бой – жесточайший бой. Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.– Ни шагу назад! Вот десять, вот девять.– Ни шагу назад! Вот восемь, вот семь. Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов. А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни минометов. Кончились даже патроны. Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки все ближе и ближе. Остались у героев одни гранаты. По три на солдата. Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнем затянул гранаты. На руке почему то взвесил. Посмотрел еще раз на Гушина, Бурдова – на соседей своих по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.– За Родину! – крикнул герой. Бросился вперед навстречу врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк. Вздогнула степь от взрыва. Качнулись опаленные боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк. Переглянулись Гушин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гушин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.– Нас не возьмешь! – прокричали солдаты. Рванулись вперед герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут. Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов:– Свобода дороже жизни! Вот они четверо – на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.– Смерть фашистам! Захватчикам смерть! Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Еще взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда. Отгремели бои пожаром. Время бежит как ветер. Годы текут как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утесы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Знаменитый дом»

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Минометным огнем, словно дождем, поливали

фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался. Здесь русский рядом стоял с казахом. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили. Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг. О просторах родной России, о далекой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шири казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. В общем союзе советских республик расцветает родная Татария. О милой Казани, о Казанке реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Памире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запекает таджик Турдыев. Могуч, и широк, и приволен Днепр. Об Украине родной, о ее колосистых полях и нивах украинца Глущенко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоминает грузин Мосиашвили. Родные арыки и белого хлопка поля представляет узбек Тургунов. Здесь, на Волге, решается все: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты. Оборону знаменитого сталинградского дома возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют «Домом Павлова». Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты. Идет с фашистами бой сражение. – Огонька им, ребята. Побольше! Побольше! – командует сержант Яков Павлов. – Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей это дом.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Сталинградская оборона»

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов. Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал лейтенант Василий Иванович Чуйков. Чуйков – боевой, решительный генерал. Наступая в заводском районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот вот ворвутся сюда фашисты. Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты. – Товарищ командующий, противник рядом, – доложили Чуйкову. – Вот и прекрасно, – сказал Чуйков. – Он как раз нам и нужен. Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля. Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада – открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолеты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад. Вновь беспокоятся адъютанты: – Опасно, товарищ командующий, – рядом

огонь!— Вот и отлично, — сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. — Прекрасная, товарищи, маскировка. Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что, даже когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело попадают осколки мин и снарядов. Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:— Товарищ генерал, да где это видано — осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе! Усмехнулся командарм:— Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтной витамин на злость.— «Витамин»! — пробурчал Глинка. Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты — боевой у них генерал. Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона — это атака. Атакует все время Чуйков противника. Не дает фашистам покоя. Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждет указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления — как, по науке, лучше стоять в защите. Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провел стрелку.— Вот здесь, — сказал, — завтра вместе с соседом справа начнете атаку. Цель — уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке. Глянул командир дивизии на генерала:— Так это, выходит, целое наступление, товарищ командующий. А не оборона.— Нет, оборона, — сказал Чуйков. — Сталинградская оборона. Чуйков — атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Два обеда»

Сражался с фашистами на Кавказе летчик Вадим Фадеев. Рост у Фадеева семиэтажный. Огромная рыжая борода. Была у Фадеева необычная справка. Хранил ее летчик, как боевую реликвию. Значилось в ней: «Отпускать по две порции питания». Ниже стояла подпись — генерал Красовский. Поражались другие. Впервые справку такую видят. Смотрят на рост Фадеева — верная очень справка. Такова у нее история. Принимал Вадим Фадеев как-то участие в воздушном бою. Сбил неприятеля. Начал атаку наземных фашистских позиций. Но тут попал под сильный огонь вражеских зениток. Получил пробоины самолет. Пытался Фадеев «дотянуть» до своего аэродрома, до своих. Не хватило у самолета силы. Приземлился летчик на ничейной полосе. Как раз между нашими и фашистскими окопами. Открыли фашисты огонь по

советскому истребителю, по нашему летчику. Чудом добежал Фадеев до советских траншей. Влетел Фадеев в окоп. От огня укрылся. Но тут же подумал, а как самолет? Добьют своим огнем самолет фашисты. Глянул Фадеев на бойцов. И те на него с удивлением смотрят. Все произошло так стремительно, так неожиданно. Не каждый ведь день случается, чтобы прямо с неба летчик вбежал в окоп. Перевел Фадеев дух, посмотрел на бойцов, затем на свой самолет. И вдруг – секунда, и он на верху окопа. Глаза горят. Борода развеивается. Полнеба занял семиэтажный рост.– Вперед! – закричал Фадеев. Бросился по направлению к самолету.– Вперед !Отошли бойцы от секундного оцепенения.– Ура! – И устремились вперед за летчиком.– Ур-а-а! Увлёк Фадеев бойцов в атаку. Добежали они до самолета. А тут недалеко уж и фашистские окопы, и важная высота. А вдруг удача! Бежит Фадеев, за ним солдаты. Ворвались солдаты в фашистские окопы. Перебили фашистов. Заняли важную высоту. Вот и оказалось: и самолет спасен, и важная высота взята.Узнали высшие пехотные командиры о взятии высоты, о героизме летчика Фадеева. Доложили авиационным начальникам.– Достоин награды, – сказали начальники.– Прошу два обеда, – в шутку сказал Фадеев. Посмеялись начальники. Посмотрели на огромный рост Фадеева. Что такому один обед. Выдали справку на два обеда. Генерал Красовский, командующий воздушной армией, ее и подписал. Отважно сражался с фашистами летчик Вадим Фадеев. Более двадцати самолетов противника сбил он в воздушных боях. Прошло немного времени, и он был удостоен звания Героя Советского Союза. На день опоздали награда и звание. Погиб накануне в бою с врагами летчик Вадим Фадеев.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Матросское сердце»

В 1941 году, еще в первые месяцы войны, фашисты захватили Советский Крым. Они подошли к Севастополю.250 дней и ночей советские моряки и солдаты героически обороняли город крепость на Черном море. Но силы были неравными. Летом 1942 года прибыл приказ оставить войскам Севастополь. Прощался матрос с Севастополем. Поклонился он морю и солнцу. Бухте Северной, бухте Южной. Простился с Приморским бульваром и Графской пристанью. Прощайте, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона. Прощался матрос с Севастополем. Сердце в волнах оставил. Клятву вернуться дал. Бросала судьба по фронтам матроса. Вдали от моря с врагом он сражался. Вспоминал Севастополь. Море и солнце. Графскую пристань, бульвар Приморский. Как там курган Малахов, Карантинная бухта,

Корабельная сторона?– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь! Лют, беспощаден в боях матрос. Бывало, друзья к матросу:– Ты что же, сердца никак лишился? Отвечает друзьям матрос:– Нет сердца – в волнах оставил. Нелегкие годы провел матрос. Ранен, контужен, увечен, калечен. Снарядами мечен. Минами сечен. Но жив, не убит матрос.– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь! Вяз он в болотах, тонул на переправах. Дожди исхлестали. Кожу сдирал мороз. Устоял, не погиб матрос.– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь! До Волги дошел матрос. От Волги шагал матрос. Дрался под Курском. Путь пробивал к Днепру. Славу матросскую нес, как факел. Слово сдержал матрос. Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идет мощное советское наступление. Началось оно и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. Подошли к Севастополю. Сапун гора на пути к морю. Укрепили ее фашисты. Прикрыла она. Севастополь. Возьмешь Сапун гору – и твой Севастополь! Пошли наши бойцы на огонь, пробили дорогу к городу. 9 мая 1944 года советские войска штурмом вошли в Севастополь и фашистов сбросили в море. Слово сдержал матрос. Вернулся в родной Севастополь.– Здравствуйте! – крикнул он морю и солнцу.– Здравствуйте! – крикнул он бухте Северной, бухте Южной.– Здравствуйте! – крикнул бульвару Приморскому, Графской пристани.– Привет вам, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона. Слово сдержал матрос. Вышел он к морю. На флагштоке у Графской пристани бескозырку как флаг повесил. Отдали волны матросское сердце. Трепетно вынесли на руках.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Мишка»

Солдатам одной из сибирских дивизий в те дни, когда дивизия отправлялась на фронт, земляки подарили маленького медвежонка. Освоился Мишка с солдатской теплушкой. Важно поехал на фронт. Приехал на фронт Топтыгин. Оказался медвежонок на редкость смышленным. А главное, от рожденья характер имел геройский. Не боялся бомбежек. Не забивался в углы при артиллерийских обстрелах. Лишь недовольно урчал, если разрывались снаряды уж очень близко. Побывал Мишка на Юго Западном фронте, затем – в составе войск, которые громили фашистов под Сталинградом. Потом какое то время находился с войсками в тылу, во фронтовом резерве. Потом попал в составе 303 й стрелковой дивизии на Воронежский фронт, затем на Центральный, опять на Воронежский. Был в армиях генералов Манагарова, Черняховского, вновь Манагарова. Подрос медвежонок за это время. В плечах раздался. Бас прорезался. Стала боярской шуба. В боях под Харьковом медведь отличился. На переходах шагал он с обозом в хозяйственной колонне. Так было и в этот

раз. Шли тяжелые, кровопролитные бои. Однажды хозяйственная колонна попала под сильный удар фашистов. Окружили фашисты колонну. Силы неравные, туго нашим. Заняли бойцы оборону. Только слаба оборона. Не уйти бы советским воинам. Да только вдруг слышат фашисты рык! «Что бы такое?» – гадают фашисты. Прислушались, присмотрелись. – Бер! Бер! Медведь! – закричал кто то. Верно – поднялся Мишка на задние лапы, зарычал и пошел на фашистов. Замешкались фашисты, метнулись в сторону. А наши в этот момент ударили. Вырвались из окружения. Мишка шагнул в герои. – Его бы к награде, – смеялись солдаты. Получил он награду: тарелку душистого меда. Ел и урчал. Вылизал тарелку до глянца, до блеска. Добавили меда. Снова добавили. Ешь, наедайся герой. Топтыгин! Вскоре Воронежский фронт был переименован в 1 й Украинский. Вместе с войсками фронта Мишка пошел на Днепр. Вышел к могучей реке. Сунул косматую лапу в воду. Вынул, лизнул и опять лизнул. – Снял пробу, – смеялись солдаты. – Ну как, Михал Михалыч, хороша из Днепра водица? Мотнул головой медведь. Вырос Мишка. Совсем великан. Где же солдатам во время войны возиться с такой громадой. Решили солдаты: в Киев придем – в зоосаде его поселим. На клетке напишем: медведь – заслуженный ветеран и участник великой битвы. Однако миновала дорога Киев. Прошла их дивизия стороной. Не остался медведь в зверинце. Даже рады теперь солдаты. С Украины Мишка попал в Белоруссию. Принимал участие в боях под Бобруйском, затем оказался в армии, которая шла к Беловежской пуще. Беловежская пуща – рай для зверей и птиц. Лучшее место на всей планете. Решили солдаты: вот где оставим Мишку. – Верно: под сосны его. – Под ели. – Вот где ему раздолье. Освободили наши войска район Беловежской пущи. И вот наступил час разлуки. Стоят бойцы и медведь на лесной поляне. – Прощай, Топтыгин! – Гуляй на воле! – Живи, заводи семейство! Постоял на поляне Мишка. На задние лапы поднялся. Посмотрел на зеленые гущи. Носом запах лесной втянул. Пошел он валкой походкой в лес. С лапы на лапу. С лапы на лапу. Смотрят солдаты вслед: – Будь счастлив, Михал Михалыч! И вдруг страшный взрыв прогремел на поляне. Побежали солдаты на взрыв – мертв, недвижим Топтыгин. Наступил медведь на фашистскую мину. Проверили – много их в Беловежской пуще. Ушла война дальше на запад. Но долго еще взрывались здесь, в Беловежской пуще, на минах и кабаны, и красавцы лоси, и великаны зубры. Шагает война без жалости. Нет у войны усталости.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Ночь. Три часа по берлинскому времени»

1 апреля 1945 года в Ставку Верховного Главнокомандующего были вызваны Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев. Просторный кабинет. Большой стол. За столом члены Государственного Комитета Оборона и Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин. Посмотрел Сталин на Жукова, на Конева.— Садитесь, товарищи. Вопрос о Берлине. К апрелю 1945 года советские войска уже вели бои на территории фашистской Германии. Предстоял последний, решительный штурм. Штурм столицы фашистского государства города Берлина. Ставка рассматривала план наступления на Берлин. Прорыв фашистской обороны на Берлинском направлении осуществляют три фронта: 1-й Белорусский, им командует маршал Жуков, 1-й Украинский во главе с маршалом Коневым, 2-й Белорусский под командованием маршала Рокоссовского. Непосредственно на Берлин прорыв производят войска маршала Жукова. Армии Конева действуют южнее 1-го Белорусского фронта. Войска маршала Рокоссовского – севернее. 16 апреля. Ночь. Три часа берлинского времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт начал прорыв на Берлин. Укрылось, прижалось к земле все живое. Молчит, не отвечает фашистская артиллерия. Да и где тут ответить, тут голову трудно поднять, рукой, ногой и то пошевеливать опасно. Ничего не могут понять солдаты. В недоумении генералы. Три часа берлинского времени. И вдруг артиллерийский обстрел. Будет прорыв?! Но какой же прорыв ночью? Как идти в атаку? Силятся, но не в состоянии ничего понять солдаты. Может быть, русские так, попугать решили? Может, спутали просто время? А артиллерия бьет и бьет. Загадочное что-то затеяли русские. 30 минут длился ураганный, испепеляющий все огонь. Но вот так же неожиданно, как он начался, так и оборвался огненный шквал. Замерло все. Затихло. Тишина над позициями. Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись генералы. Смотрят. Что случилось, поначалу никто не понял. В глаза фашистам вдруг ударили, ослепили десятки невиданных солнц. Зажмурились фашисты. Что такое?! Сообразили наконец фашисты – так это же прожекторы. Да, это были мощные советские прожекторы. На многие километры протянулись они вдоль линии фронта. И вот теперь, вспыхнув все разом, ночь превратили в день. Слепит неприятеля свет, бьет фашистам в глаза навстречу. Помогает свет нашим войскам. Освещает дорогу танкистам, помогает артиллеристам, пехотинцам и всем другим. В растерянности фашисты. Да, не бывало еще такого! Катится на них несокрушимо победный вал. А в воздух уже поднялись, уже гудят советские самолеты. Довершают они удар. Невиданной силы удар! Невиданной дерзости.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «На Берлин идут машины»

Он стоял на перекрестке – русский труженик солдат. На Берлин идут машины. У бойца в руках флажок. Взмах флажком:– Сюда машины! На Берлин идут машины, танки справа, пушки слева, пушки справа, танки слева. Час идут, второй и третий. Не предвидится конца. Он стоял на перекрестке. Он смотрел на эту силу. И бывшее шло на память. Год за годом. Шаг за шагом. Вот он первый – сорок первый. Год-страдалец. Год-герой. Сколько отдано земель. Сколько отдано друзей. Сколько слез страной пролито. Но и в этот первый год не терял боец надежды. Верил он тогда в победу – быть победе над фашизмом. А сейчас стоит и смотрит: неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Мощь идет. Гудят машины. Сотрясается земля. Год за годом. Шаг за шагом. Сколько горя позади. Гнули, гнули нас фашисты. Все, казалось, шаг – и все. Но в минуты те крутые даже там, у Сталинграда, у Ладоги, у Эльбруса, не терял солдат надежды. Верил он тогда в победу – быть победе над фашизмом! А сейчас стоит и смотрит. Неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Шаг один – и ты в Берлине! Год за годом. Шаг за шагом. Устояли наши в битвах. Вся страна ковала силу. Фронтом был и фронт и тыл. Вся страна ковала силу, и настал момент счастливый – дрогнул враг. И перед силой затрещала, сникла сила. Отшагало время сроки, отсчитало рубежи. И Перфильев под Берлином. Вот стоит на перекрестке русский труженик солдат. Взмах флажком:– Сюда машины! На Берлин идут машины. Пушки слева, танки справа. Слева танки, пушки справа. День и ночь шагает сила. Мощь идет. Под весом этим содрогается планета. Мощь идет. Под весом этим прогибается Земля.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Мы в Берлине»

21 апреля 1945 года советские войска штурмом ворвались в Берлин. Родом они полтавские. Петр Кириенко и Стась Кириенко – отец и сын. Вместе ушли на войну из дома. В первые дни войны. Оказались вместе в части одной, в роте одной и во взводе. Вместе дороги военные мерили. Вместе ходили в атаку, в разведку. Вместе мечтали о победе.– Быть нам, сынку, в Берлине. Быть нам в Берлине, – говорил Кириенко-отец. Под Сталинградом мечтали они о Берлине. Затем в боях под Курском. Затем на Днепре. Стась Кириенко молод, безус. Петр Кириенко – солдат с заслугами. В первую мировую войну воевал. В гражданскую воевал. Ранен. Контужен. Осколки снаряда в теле хранит как память. Петр Кириенко и Стась Кириенко словно орел с орленком. Поучает

солдатской премудрости молодого солдата бывалый:— Быть нам, сынку, в Берлине. Быть! Ранило как-то Стася осколком в грудь. Вынес отец Кириенко сына из самого пекла боя. Контузило как-то Стася. Привалило землей в окопе. Разгреб Кириенко-отец обвал. Снова сына унес от смерти. Шагают солдаты путями войны. Мужает Стась Кириенко в боях и походах. Был молодым птенцом, а нынче и сам летает. Медали заслужили отец и сын. Вскоре к медалям пришли ордена. С орденами почет и слава. Наступает Советская Армия. Отвоевали Кириенки и Дон и Донбасс. Принесли свободу родной Полтавщине.— Дойдем до Берлина! Быть нам в Берлине! Перед бойцами широкий Днепр. На Днепре при переправе совершилось непоправимое. Сразила фашистская пуля Петра Кириенко. Помирает отец-солдат:— Сынку, дойдем до Берлина. Сынку...Дальше шел Кириенко Стась. Походом, боями прошел Украину, Польшу, и вот ворвались наши войска в Берлин. Последние дни апреля. Стоит солдат на берлинской улице. Смотрит в небо, на громады домов. Отвлекся солдат от боя. Неужели и вправду в Берлине? Шепчут солдатские губы:— Да, батька, мы в Берлине. Подошел солдат к стене соседнего дома. Штыком по известке вывел, словно печать поставил: «Петр Кириенко, Стась Кириенко, апрель, 1945 год».

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Каждая улица дышит смертью»

Берлин огромный город. 600 тысяч домов в Берлине. Каждая улица дышит смертью. Возвели фашисты на улицах баррикады, завалы, заграждения. Минные поля прикрывают подходы к завалам. Пулеметы простреливают каждый клочок земли. Каждый дом в Берлине стал настоящей крепостью. Каждая улица — полем боя. На одной из берлинских улиц завал оказался особенно прочным. Из железа, из стали, из каменных плит возвели здесь завал фашисты. Штурмовала завал пехота. Не прорвались вперед стрелки. Лишь гибнут в атаках зазря солдаты. Подошли к завалу советские танки. Открыли огонь из пушек. Пытаются пробить проход. Нет достаточной силы в снарядах, в танковых пушках. Стоит, как стена, завал. Преградил он дорогу пехоте, танкам. Застопорилось здесь продвижение. Смотрят солдаты, пехотинцы, танкисты на железо, на камни, на сталь:— Подрывников бы сюда, саперов. И вдруг словно бы кто-то подслушал солдат. Видят они: к завалу ползет сапер. Ползет, тащит взрывчатку, бикфордов шнур. Вот привстал. Переждал. Пригнулся. От дома к дому перебежал. Вот снова ползет по-пластунски. Впились солдаты в него глазами. Каждый удачи ему желает. Подобрался взрывник к завалу. На одну из каменных плит поднялся. Лег на плиту. Кладет под плиту взрывчатку. Уложил.

Шнур протянул бикфордов. Следят за сапером солдаты. Что за чем последует, точно знают. Вот сейчас бикфордов шнур подожжет боец. Заспешит по шнуру огонек к взрывчатке. Быстро спрыгнет с плиты сапер. Отползет побыстрее от завала. Дойдет огонек до цели. Сотрясется завал от взрыва. Возникнет в завале брешь. Сквозь брешь и рванутся вперед солдаты. Так и есть. Вот вынул спички боец из кармана. Вот высек огонь. Вот подносит огонь к шнуру. И вдруг. Вскинул сапер руками. Упал на плиту и замер. «Убит!» – пронеслось. Но нет. Шевельнулся солдат.– Братцы, да он не убит. Он ранен. Шевельнулся взрывник. Голову чуть приподнял. Посмотрел на плиту, на шнур. Что-то, видать, прикинул. Двинул рукой, потянулся к спичкам. Вот снова в руках у него коробок. Вот силится высечь огонь солдат. Чиркнул спичкой. Да силы малы. Не зажглась, не вспыхнула сера. Опустился вновь на плиту сапер. Видят солдаты – плита краснеет. Теряет и силы боец, и кровь. Но нет, не сдается солдат. Снова потянулся к спичкам. Снова в руках у него коробок. Чиркнул спичкой. Горит! Тянет спичку к шнуру, дотянулся. Побежал к взрывчатке дымок, закурился змейкой.– Прыгай, прыгай! – кричат солдаты саперу. Лежит на плите сапер.– Прыгай! Прыгай! И только тут понимают солдаты – нет сил у сапера спрыгнуть. Лежит на плите герой. Грянул взрыв многотонной силой. Взлетели в небо плиты и камни. Открылся проем в завале. Устремились в него солдаты. Вечная память отважным. Вечная слава храбрым.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Знамя победы»

– Сержант Егоров!– Я, сержант Егоров.– Младший сержант Кантария.– Я, младший сержант Кантария .Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почетное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага. Ушли бойцы. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте. У рейхстага идет бой. Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится лечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку. Егоров и Кантария бегут дальше. Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.«Ох, выше бы!» – вырывается у бойцов. И, как бы услышав товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми. Бой уже идет на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется Красное знамя.

Появилось. Качнулось. И вновь исчезло. Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?! Проходит минута, две, десять. Тревога все больше и больше охватывает солдат. Проходит еще тридцать минут. И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Друзья живы. Знамя цело. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания – по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам. Потом вдруг бросаются к застекленному куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться еще выше. На площади и в здании еще шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побежденным Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь войну принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам, как символ непобедимости советского оружия. Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побежденными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой. Был май 1945 года. Гремела весна. Ликовали люди и земля. Москва салютовала героям. И радость огнями взлетала в небо.

Николай БАДЕЕВ «Выходила в океан «Катюша»

– Так вот как она выглядела, наша «катюша»! Пожилой армейский полковник с множеством орденских ленточек на груди долго стоял перед фотографией подводной лодки. – А нельзя ли положить возле нее в качестве трофея этот знак? – обратился он к сотруднику музея и показал кусочек латуни с надписью по-немецки: «За обморожение». 29 июня 1941 года над гранитными скалами Заполярья раздался грохот артиллерийских орудий: в наступление перешел горнострелковый корпус генерал-полковника Дитла. Несмотря на прохладный ветер, дувший с Ледовитого океана, егеря шли налегке, засучив рукава рубах. Зачем запасаться теплым обмундированием, генерал-полковник Дитл поклялся фюреру в три дня захватить Мурманск. Блицкриг есть блицкриг! Даже полевые кухни не взяли, выдали трехдневный сухой паек. В Мурманске ресторан «Арктика», масса продовольствия, там уж егеря попируют вовсю, – Дитл обещал отдать им город на три дня... В авангарде наступал полк, в котором когда-то ефрейтором служил Гитлер. Солдаты орали его любимую песню: И мир весь, стуча костями, изъеденными червями, трепещет пред нашим маршем... Операция по захвату Мурманска называлась «Серебристая

лисица». Генерал-полковник Дитл был уверен в успехе: фашисты имели двукратное превосходство в живой силе и четырехкратное в артиллерии. А какие солдаты! Они брали и Крит и Нарвик...И вдруг осечка... В первом же бою корпус потерял более тысячи егерей и вынужден был остановиться. А дальше каждый метр давался такой кровью, что у реки Западная Лица егеря совсем выдохлись. Гитлер в ярости потребовал от Дитла немедленного, мгновенного захвата Мурманска, «однопольчанам» же пригрозил смертной казнью. А егеря ни с места. Пришлось доставить полевые кухни – ресторан «Арктика» не присылал ни закуски, ни обедов. Наступила осень, пошли дожди, задули холодные ветры, егеря мерзли. Дитл телеграфировал в Берлин: срочно требуется теплое обмундирование. Ударили морозы, закружила пурга, а в гранитных скалах не окопаться. «Однопольчане» фюрера завопили о помощи.¹³ января 1942 года из Кольского залива в Баренцево море направилась советская подводная лодка «К-22». Ее называли «катюшей»: перед номером у нее стояла буква К – крейсерская. Штормило. Брызги воды застывали на рубке, поручнях, палубе. Когда «катюша» обростала льдом настолько, что была похожа на айсберг, командир лодки капитан 2-го ранга Виктор Котельников подавал команду: к погружению. Лодка уходила на глубину, там уж лед оттаивал. Так шел день за днем. – Горизонт чист, – докладывал вахтенный офицер, наблюдая за морем в перископ. И утром, и днем, и вечером слышалось: «Горизонт чист». А ведь должны ж быть вражеские корабли, должны: флотская разведка все время засекала радиопереговоры гитлеровцев. И вдруг ночью на фоне берега означился силуэт транспорта. «Катюша» бросилась к нему, но пароход успел скрыться в бухте. Котельников понял: гитлеровцы перешли к тактике «перетекания»; опасаясь атак советских подводных лодок, они ходили лишь по ночам, прижимаясь к скалистому берегу, а днем укрывались в небольших бухточках под защитой дозорных кораблей и береговой артиллерии. Так, «прыгая» в потемках из одной бухты в другую, транспорты добирались до прифронтового порта. – Пойдем в самое логово! – объявил экипажу командир. Днем 19 января «катюша» в подводном положении прошла узкий пролив. Котельников поднял перископ. Так и есть – в глубине бухты стоял на якоре большой транспорт. «Катюша» выстрелила в него торпедой, подводники слышали глухой взрыв. Лодка подвсплыла. Котельников прильнул к окуляру перископа и удивленно присвистнул: пароход стоял на месте. Моряки задумались: может быть, торпеда взорвалась при ударе о подводную скалу? – Кренится! – вдруг закричал Котельников. – Попали! Только тонет, стервец, плохо. Интересно, что он везет – перины, что ли, для егерей? – И, посмотрев еще раз в перископ, добавил: – Если он так будет тонуть, фашисты успеют завести пластырь на пробоину. Всплывем и расстреляем из пушек. Подводной

лодке вступить в артиллерийский бой с транспортом всегда рискованно: вдруг это судно – ловушка... Под фальшивыми надстройками могут скрываться торпедные аппараты, скорострельные орудия, а на корме – запас глубинных бомб. Но у «катюши» четыре пушки: две стомиллиметровых и две «сорокопятки». Едва на поверхности моря появилась палуба, как из люка выскочили комендоры и развернули стволы мокрых, облепленных водорослями орудий на транспорт. Но в этот момент из-за парохода вывернулся вражеский сторожевой корабль. – По сторожевику! – крикнул Котельников. – Всеми орудиями! Четырехдюймовый снаряд «катюши» снес у него ходовой мостик, на палубе заплесало пламя. Сторожевик тотчас закрылся за дымовой завесой, а подводники перенесли огонь на транспорт. Вдруг рядом с лодкой раздался взрыв снарядов, поднялись высокие всплески. – Стреляет береговая батарея, – доложил сигнальщик. Бухта небольшая, уклоняться от снарядов стометровому подводному крейсеру нелегко – в два счета наскочишь на камни. Нужно быстрее уничтожить транспорт и уходить. Уходить на простор, в открытое море. Подводники усилили огонь. Снаряды попадали в цель, но проклятый транспорт все держался на плаву. – Заколдованный он, что ли? – рассердился Котельников. – Бейте под ватерлинию! А тут еще «очнулся» сторожевик: фашисты потушили пожар и открыли по лодке орудийную стрельбу. Подводники били и по транспорту, и по сторожевику. Через несколько минут сторожевик, осев на корму, скрылся в пучине. Повалился на борт окутанный клубами дыма и пара транспорт. Но когда пелена рассеялась, моряки увидели: транспорт стоял на месте, стоял без крена, целехонький, будто в него не попало ни одного снаряда. Только вроде бы стал корпусом короче и мачты ниже. – Да это ж второй! Второй пароход, товарищ командир! – доложил вахтенный офицер. – Он скрывался за корпусом другого. А тот утонул, и вот видите... – Ну, широкая спина была у «покойника»... Комендоры «катюши» открыли стрельбу по второму пароходу, и этот тонул медленно, нехотя. Только после пятнадцати залпов он скрылся под водой. – К бухте приближается дозорный корабль! – слышался голос вахтенного. Но фашистский сторожевик вдруг резко изменил курс и бросился наутек. «Не захотел связываться с «катюшей», – смеялись моряки. Лодка вышла в море. – Теперь держись, ребята! – предупредил Котельников. – Фашисты, конечно, узнали о разгроме логова. Командир оказался прав: не прошло и часа, как гидроакустик услышал шум винтов фашистской подводной лодки. И почти тотчас моряки заметили белый, пенистый след торпеды. «Катюша» резко отвернула, торпеда прошла вдоль борта. Гитлеровская субмарина не унималась: в сторону «катюши» протянулись следы еще трех торпед. Котельников успел произвести маневр, торпеды проскользнули за кормой. Разъяренный неудачами фашист допустил

ошибку: его лодка показала рубку, и «катюша» мгновенно открыла по ней огонь. На пути домой подводники подсчитывали «убытки» врага. Самый крупный из потопленных транспортов был никак не менее десяти тысяч тонн водоизмещения. Такое судно «тянет» на борту десятки средних и тяжелых танков, за один рейс перебрасывает целую дивизию солдат или двухмесячный запас продовольствия для трех-четырех дивизий.— Вряд ли танки, — вздохнул Котельников. — Вспомните, как тонули пароходы... С танками-то они бы сразу к рыбам... На пирсе подводников встречал командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головкин. Он поздравил экипаж с победами, крепко пожал руку каждому моряку.— А знаете, товарищ Котельников, что везли транспорты, которые вы потопили? — спросил он.— Нет, товарищ командующий.— Норвежские патриоты-подпольщики сообщили нам по радио: тридцать тысяч полушубков, тридцать тысяч валенок, тридцать тысяч шапок, тридцать тысяч рукавиц и другие теплые вещи — все для гарных егерей. Да вы же целый корпус раздели, по вашей милости плясать теперь егерям на морозе!— Пусть попляшут, — улыбнулся Котельников. — Не мы эту «свадьбу» затеяли.«Однополчане» Гитлера отморозили себе руки и ноги, ходили с распухшими носами и ушами, кланчили в лазаретах вату для утепления тощих шинелей, из автопокрышек мастерили огромные боты, а из брезентовых орудийных чехлов — штаны и куртки. Генерал Дитл издал приказ: морозы переносить стойко. И сообщал, что обратился в Берлин, что вот-вот пришлют новое теплое обмундирование. Фюрер не забудет героев-егерей. Каждый день в ставку Гитлера передавались сводки о числе обмороженных. Цифры угрожающе росли. Дитл просил тулупы, полушубки, валенки. Наконец из Берлина ответили: фюрер рассмотрел просьбу егерей, ждите. И фашистские егеря дождались: самолет доставил в штаб корпуса запечатанные мешки. В них оказались... медали «За обморожение».— Здорово тогда «катюша» насолила фашистам, — рассказывал полковник. — Когда мы погнали гитлеровцев на запад, в разгромленном штабе нашли целый мешок таких медалей. А пленный офицер сказал, что награды пришли слишком поздно...

Николай БОГДАНОВ «Самый храбрый»

На фронте стояло затишье. Готовилось новое наступление. По ночам шли «поиски разведчиков». Прослышав про один взвод, особо отличавшийся в ловле «языков», я явился к командиру и спросил:— Кто из ваших храбрецов самый храбрый?— Найдётся таковой, — сказал офицер весело; он был в хорошем настроении после очередной удачи. Построил свой славный взвод и

скомандовал: — Самый храбрый — два шага вперёд! По шеренге пробежал ропот, шёпот, и не успел я оглянуться, как из рядов вытолкнули, подтолкнули мне навстречу храбреца. И какого! При одном взгляде на него хотелось рассмеяться. Мужичок с ноготок какой-то. Шинель самого малого размера была ему велика. Сапоги-недомерки поглощали немало портянок, чтобы не болтаться на ногах. Стальная каска, сползавшая на нос, придавала ему такой комичный вид, что вначале я принял всё это за грубоватую фронтовую шутку. Солдатик был смущён не менее чем я. Но офицер невозмутимо сказал:— Рекомендую, гвардии рядовой Санатов. По команде «вольно» мы с Санатовым сели на брёвна, заготовленные для блиндажа, а разведчики расположились вокруг.— Разрешите снять каску? — сказал Санатов неожиданно густым баском. — Мы думали, нас вызывают на боевое задание. Он стал расстёгивать ремешок с подбородка, которого не касалась бритва, а я внимательно разглядывал необыкновенного храбреца, похожего на застенчивую девочку-подростка, переодетую в солдатскую шинель. Чем же он мог отличаться, этот малыш?— Давай, давай, рассказывай, — подбадривали его бойцы. — Делись опытом — это же для общей пользы. Главное, расскажи, как ты богатыря в плен взял.— Вы добровольцем на фронте? — спросил я для начала.— Да, я за отца. У меня отец здесь знаменитым разведчиком был. Его фашисты ужасно боялись. Даже солдат им пугали: «Не спи, мол, фриц, на посту, Санатов возьмёт». Он у них «языков» действительно здорово таскал. Даже от штабных блиндажей. Гитлеровцы так злились, что по радио ему грозили: «Не ходи к нам, Санатов, поймаем — с живого шкуру сдерём».— Ну, этого им бы не удалось! — воскликнул кто-то из разведчиков.— А вот ранить всё-таки ранили, — сказал юный Санатов, — попал отец в госпиталь. Обрадовались фашисты и стали болтать, будто Санатов напугался, носа не кажет, голоса не подаёт. А голос у моего отца, надо сказать, особый, как у табунщика, — улыбнулся Санатов, и напускная суровость исчезла с его лица. — У нас деды и прадеды конями занимались, ну и выработали, наверное, такие голоса... наводящие страх. Отцовского голоса даже волки боялись. И вот, как не стал он раздаваться по ночам, так и обнаглели фашисты. Приехал я вместе с колхозной делегацией: подарки мы привезли с хлебного Алтая... И услышал, как отца срамят с той стороны фашистские громкоговорители.— Было такое, — подтвердили разведчики. — Срамили.— Вот в такой обстановке колхозники и порекомендовали: оставайся, мол, Ваня, пока батя поправится, — неудобно, нашу честную фамилию фашисты срамят. Подай за отца голос.— Командир вначале сомневался, глядя на рост его, — усмехнулись бойцы.— Ну, я вижу такое дело, как гаркну внезапно: «Хенде хох!» — И Санатов так гаркнул, что по лесу пошёл гул, словно крикнул это не мальчишка, которому велика солдатская

каска, а какой-то великан, притаившийся за деревьями. Я невольно отшатнулся.— Вот и командир так же. «Эге, говорит, Санатов, голос у тебя наследственный. Оставайся». И я остался. Вот так я кричу, когда первым открываю дверь фашистского блиндажа.— Почему же первым именно вы? — Потому что я самый маленький ростом. А ведь известно, когда солдат с испугу стреляет, он бьёт без прицела, на уровне груди стоящего человека. Вот так. Санатов встал и примерился ко мне. Его голова оказалась ниже моей груди.— Вам бы попали в грудь, а меня бы не задело. Это уж проверено. Мне потому и поручают открывать двери в блиндажи, что для меня это безопасней, чем для других. У меня над головой пули мимо летят. И потому работаем без потерь. Не без удивления посмотрел я на солдата, так умело использовавшего свой малый рост.— Ну, а с богатырём-то как же? Тоже на голос взяли?— Давай рассказывай, как ты его, — подбодрили солдаты.— Тут до богатыря дел было... — задумался Санатов. — Натерпелся я с этими дураками. Ведь им жизнь спасаешь, а они... Один часовой меня чуть не зарезал...— Вы и на часовых первым бросаетесь?— Его посылаем, — сказал один из солдат.— Да, потому что я очень цепкий... Это у меня с детства выработалась привычка держаться за шею коня. Мы ведь, алтайские мальчишки, всё на неосёдланных да на диких катаемся. Вцепишься, как клещ, и как он, неук, ни вертится, ни скачет, какие свечки ни даёт, нашего алтайского мальчишку нипочём с себя не сбросит— Но при чём же тут...— А вот при чём, — вы встаньте, а я вам на шею внезапно брошусь и обниму из всех сил... Что вы станете делать? Я уклонился от испытания. Видя моё смущение, кто-то из разведчиков объяснил:— Иные с испугу падают.— Другие стараются удержаться на ногах и отлепить от себя это неизвестное существо. Забывают и про оружие. Забывают даже крикнуть.— Ведь это всё ночью. Во тьме. На позиции. Непонятно, и потому страшно.— Ну и пока немец опомнится, мы ему мешок на голову — и потащили. Так объяснили мне этот приём разведчики, пока Санатов был в задумчивости.— А вот один фашист ничуть даже не испугался, когда я кинулся к нему на шею. Здоровый такой, как пень. Только немного покачнулся. Потом прислонился к стене окопа и не стал меня отцеплять, а, наоборот, покрепче прижал к себе левой рукой, а правой спокойно достал из-за голенища нож. Достал, пощупал, где у меня лопатки. Да и ударил. В глазах помутилось. Думал — смерть... А потом оказалось, что он ножны с кинжала забыл снять... Аккуратный был фашистский бандит — острый кинжал и за голенищем в ножнах хранил, чтобы не прорезать брюк. Только это меня и спасло. — Санатов даже поёжился при страшном воспоминании.— Ну, и взяли его?— А как же, наши не прозевали. Накинули на него мешок. Крикнуть-то он тоже не то забыл, не то не захотел, на свою силу-сноровку понадеялся.— Ну, да наша сноровка оказалась ловчей, —

усмехнулся разведчик, жилистый, рослый, рукастый.— А ещё один дурак чуть мне все лёгкие-печёнки не отшиб, — вспомнил Санатов. — Толстый был, как бочонок. От пива, что ли. Фельдфебель немецкий. Усищи мокрые, словно только что в пиве их мочил. Бросился я ему на шею, зажал в обнимку, пикнуть не даю. Он попытался отцепить. Ну, где там — я вцепился, как клещ, вишу, как у коня на шее. И что же он сообразил: стал в окопе раскачиваться, как дуб, и бить меня спиной о бруствер. А накат оказался деревянный. Бух, бух меня горбом — только рёбра трещат... Хорошо, что я не растерялся. Воздух побольше набрал в себя, ну и ничего, воздух спружинил. А то бы раздавил, гад. У меня ведь костяк не окреп ещё. Отец тоже ростом невелик, но в плечах широк и кость — стальная... Так что мне за него трудней в этих делах.— А с великаном?— Ну, с этим одно удовольствие получилось. Попался он мне уже после того, как я достаточно натерпелся... стал больше соображать, как лучше подход иметь.— Да, уж тут был подход! — Среди товарищей маленького храбреца пробежал смешок.— Подкрались мы к окопу, как всегда, попластунски, бесшумно, беззвучно, безмолвно, неслышно... Ракета взлетит — затаимся, лежим тихо, как земля. Ракета погаснет — опять двинемся. И вот окоп. И вижу, стоит у пулемёта, держась за гашетки, не солдат, а великан. Очень большой человек. А лицо усталое, вид задумчивый. Или мне это так при голубом свете ракеты показалось. Вначале взяла меня робость. Как это я на такого богатыря кинусь? Не могу ни приподняться, ни набрать сил для прыжка... А наши ждут. Сигналят мне. Дёргают за пятку: «Давай-давай, Иван, сроки пропустим, смена придёт».И тут меня словно осенило: «Ишь, старый-то он какой! Ведь по годам-то мне дедушка. И задумался, наверно, о внучатах». Эта мысль меня подтолкнула — кинулся я к нему на шею бесстрашно, как внучек к дедушке. Обнял, душу в объятиях, а сам шепчу: «Майн гроссфатер! Майн либе гроссфатер!» — и так, знаете, он до того растерялся, что пальцы от гашеток пулемёта отнял, а меня не бьёт и не отцепляет, а машет руками как сумасшедший, совсем зря...— Он теперь ещё здесь, недалеко, в штабе полка, руками размахивает, — сказал жилистый разведчик. — Вы поговорите с ним, как он об Ване вспоминает. «Всю жизнь, мол, ему буду благодарен, он, говорит, меня от страха перед русскими спас!» Фашисты его запугали, будто мы пленных терзаем и всё такое...— Часы Ване в подарок навязывал за своё спасение. Ему бы на передовой в первый же час нашего наступления капут, это он понимал.— Нужны мне его часы, фрицевские. Мне командир свои подарил за этот случай. Вот они, наши, советские. И маленький разведчик, закатав рукав шинели, показал мне прекрасные золотые часы и, приложив к уху, стал слушать их звонкий ход, довольно улыбаясь. Таким и запомнился он мне, этот храбрец из храбрецов. Так в поисках самого храброго встретил я самого доброго

солдата на свете — Ваню Санатова. Другие славились счётом убитых врагов, а солдат-мальчик прославился счётом живых. Многих чужих отцов вытащил он из пекла войны, под свист пуль, при свете сторожевых ракет, рискуя своей жизнью. Конечно, геройствовал он ради добычи «языков», а не для спасения гитлеровских вояк. Удовольствие тут было обоюдное — развязав язык, немецкий солдат получал в награду жизнь, а наш храбрец, пленивший его, — честь и славу.

Николай БОГДАНОВ «Неизвестные герои»

— Как ты сюда попал, Гастон? Тоже фашисты тебя привезли?.. Из Франции, да?.. Смешной ты какой, ничего не понимаешь! Немцы и то по-нашему понимают: курка, яйки, млеко, давай-давай. Всё знают! А ты француз — и ничего не понимаешь! Алёша Силкин смотрит снизу-вверх на своего приятеля. Добродушный француз улыбается во весь рот и действительно ничего не понимает. Ему нравится этот русский мальчик, который и на чужбине не унывает: свистит соловьем и хвастается синяками от хозяйских побоев. Объясняются они жестами да рисунками на песке. Гастон много раз чертил пальцем извилистый берег родной Бретани и рисовал две фигурки: одну — с косой, другую — с винтовкой; потом с жаром говорил, что фашисты предложили ему поехать в Германию взамен военнопленного брата, которого обещали отпустить домой. Мать умолила Гастона поменяться с братом, измученным в неволе, но, когда он согласился и приехал на германскую каторгу, оказалось, что его обманули: брат давно умер! Гастон рисовал на песке гроб и тоскливо говорил:— Теперь мы ляжем в могилы оба. Всего этого Алёша не понимал, но ему было ясно одно: Гастона завезли сюда насильно, и фашисты ему так же ненавистны.— А нас с матерью сюда из Курской области пригнали, как семью партизана. Меня этому бауэру-кулаку продали в батраки, мать — другому, сестру — третьему. Но мой отец им за всё отомстит. Да я ещё сам сделаю им какую-нибудь беду! — объясняет он жестами. Гастон понимает, что мальчишке не сладко. И он обнимает его за плечи, как братишку. Встречаются они у ручья, куда пригоняют на водопой кулацких коров. Разговаривают с опаской: это строго воспрещено. Особенно теперь, когда вся пограничная полоса Восточной Пруссии объявлена военной зоной. Русские приближаются! Эта весть облетела всех. У немцев поджилки затряслись. А пленники оживились. В окрестности стали твориться странные дела: неожиданно возникали пожары, таинственно обрывались провода высоковольтных электролиний. Пронёсся как-то слух, что воскрес повесившийся поляк и теперь

ходит по хуторам, взлезает в форточки и слуховые окна и душит обрывком своей верёвки немцев. Немцы потеряли покой и сон. Ходят вооружённые. Наглухо запирают окна и двери.— Мать моего хозяина, семидесятилетняя старуха, и та с ружьём! Выйдет в сад и в кусты ружьё суёт, нет ли там поляка, — рассказывает Алёша. — Ей-богу! И меня ружьём страшит: прицелится и зашипит, как гадюка... Ну, я ей беду сделал: взял да грабли на дорожке подложил. Как её стукнуло, так она сразу лапки кверху, а ружьё стрельнуло. И такой поднялся тарарам!.. Хозяин забрался в каменную кладовую. Фрау под кровать залезла... А уж меня потом били, били! Вот, видал рубцы? — И, показав Гастону исполосованную спину, Алёша добавляет: — Ну, я им ещё беду сделаю, я не таковский...В ответ показывает синяки и Гастон, но Алёша никак не может понять, как он их заработал и какое было приключение на его хуторе. Через несколько дней мимо прусских хуторов к границе с Литвой потянулись колонны немецких войск. А навстречу им полицейские прогнали толпы безоружных немецких солдат, беглецов из разбитых дивизий. Появились грузовики со снарядами. Между двух холмов немцы натянули маскировочные сети и устроили огромный склад. В него свозили снаряды самых разнообразных калибров, ящики с минами, пакеты с толом.«Вот прилетели бы наши самолёты, — думал Алёша, — да и разбомбили бы всё это!»При виде первых советских самолётов у Алёши чуть сердце не разорвалось от радости. Но лётчики прилетали несколько раз, а склада не обнаружили. Как сообщить о нём? Пальцем ведь не покажешь! Разве с воздуха разглядишь, какой это мальчишка: русский или немецкий? С воздуха, наверное, просто козявка... Думает Алёша, думает, а придумать ничего не может. По ночам стал доноситься с востока отдалённый гул. То наши русские пушки обстреливали Восточную Пруссию. Вот-вот и появятся русские солдаты. Фашисты издали приказ: немедленно собрать урожай. Лошадей мобилизовали вывозить на станцию старые запасы, а жать и косить хлеб стали вручную. Хозяин дал Алёше кривую, неуклюжую косу и приказал работать. А чтобы подогнать, побил плетью. Пришлось косить. Смотрит Алёша вверх: там вся его надежда. Снова кружит в небе советский самолёт, как бы говоря: «Потерпи ещё немного, мы уже близко!» Но что он видит с такой высоты? Разве разберёшь, что это косит русский мальчик, которого только что избил немецкий кулак? Сверху земля ему, нашему лётчику, вероятно, кажется ковром, на котором отдельными полосами и квадратами лежат жёлтые пшеничные поля и чёрные пашни. Ведь не заметили же лётчики немецкий склад, прикрытый сеткой. На большом ковре полей эта сетка, пожалуй, им кажется зелёной лужайкой... Вот если бы указать лётчикам на это место стрелой из белого полотна — тогда другое дело! Алёша помнит, как в партизанский край прилетал самолёт и ему выкладывали из холстов букву «Т».

Но где возьмёшь полотно? Да и как его расстелешь? Немцы сразу заметят... Вон выглядывают, как хорьки из своих нор, их часовые из-под маскировочной сетки... Косит Алёша, прокладывая длинный гон через всё поле, а сам на небо смотрит, где вьётся и вьётся родной русский самолёт. «Интересно: а заметно ему скошенную полосу в некошенной пшенице? Наверное, заметно. Ой, заметно!» И тут сердце забилось у Алёши от радостной догадки. Он поглядел через ручей: на другом берегу косит пшеницу Гастон. Парень он здоровый, большой, но у него дело почему-то не идёт — не лежит душа косить. Как бы его увидеть! Как бы поговорить! Дойдя до ручья, Алёша останавливается, точит косу бруском, а сам манит Гастона. Тот понял, идёт навстречу и тоже начинает точить косу. Стоят они рядом, звенят брусками о косы. Немцам не до них: смотрят на русский самолёт, который обстреливают зенитки. В небе курчавятся белые облачка разрывов, а самолёт словно танцует среди них, но прочь не уходит. — Гастон, — говорит Алёша, — давай выкосим две стрелы. Ты одну, а я другую напротив склада. Понимаешь? Наш лётчик увидит и догадается, что стрелы указывают не зря. Неужели тебе не ясно? Алёша берёт палочку и начинает чертить на прибрежном песке план двух полей и маскировочную сеть между ними, а затем две стрелы. Две сходящиеся стрелы. И жестами показывает, что их нужно выкосить в пшеничном поле. Бретонец долго смотрит, хлопает себя по лбу и, схватив косу, бежит обратно. Он принимается за работу с такой яростью, что Алёша боится отстать от него и начинает махать косой изо всех сил. Ему хочется, чтобы две стрелы пролегли одновременно. Пот льёт с него градом, тяжёлые колосья ложатся с шорохом. Алёша весь пригнулся, чтобы лучше был размах. Он работает и даже не замечает, что пришёл хозяин и смотрит на него с удивлением. Гастон и Алёша косили до самого вечера. Когда загудел мотор и серебристая птица стала делать над холмами плавные спирали, оба подняли головы и отёрли пот. Долго следили они за самолётом. Покружив, он взял курс на восток. «Заметил или не заметил? Что будет дальше?» — думали каждый по-своему, Гастон из Бретани и курский мальчик Алёша. Когда в нашей штабной фотолаборатории проявили плёнку, привезённую самолёт-разведчиком, и отпечатали фотоснимки, дешифровщики внимательно разглядели их и один отложили отдельно. Снимок заинтересовал бывалых разведчиков. За время войны они разгадали немало тайн. Вооружившись сильными лупами, подолгу сидят они над иным снимком, прежде чем дать заключение, что на нём: настоящий это аэродром или ложный? Действительно ли это тень завода? Скирды сена на поле или тяжёлые танки? По многим тончайшим признакам дешифровщики устанавливают истину и редко ошибаются. На этот раз случай был особенный: среди пшеничных полей на фотографии ясно виднелись две тонкие стрелки, как бы указывающие на

луговину, что разделяет поля. После сличения с картой установили: никакой луговины здесь прежде не было. Всё ясно. Это натянута маскировочная сеть. А что под нею — это уж установит бомбёжка. Так и было доложено командиру. Скоро расшифрованный снимок лежал на столе генерала, командующего бомбардировщиками. Глубокой ночью Алёша и Гастон проснулись от ослепительного голубого света, проникшего во все щели. И, выбежав из сараев, они увидели зрелище сказочной красоты. В тёмном небе висели гирляндами осветительные бомбы. Как раз над тем местом, где скрывался под маскировочными сетями фашистский склад! Навстречу голубым гроздьям света, медленно спускавшимся с неба, летели красные шары зенитных снарядов и бесконечные нити трассирующих пуль. Сквозь бешеный треск стрельбы слышался спокойный, равномерный гул невидимых самолётов. На это зрелище можно было смотреть без конца. Но вдруг послышался свист бомб, затем удар; окрестность содрогнулась от множества взрывов, слившихся в один такой силы, словно земля раскололась. С домов сорвало крыши. Выбило все стёкла. Столб пламени поднялся от земли до неба... Гастона кусок черепицы с крыши стукнул по затылку, а Алёшу сорванной с петель дверью ударило по спине. Наутро они похвалились друг перед другом своими синяками. Немало синяков и шишек получили они за время своей неволи в Восточной Пруссии, но этими особенно гордились.

Елена ПОНОМАРЕНКО «Первый день настоящей войны»

За год до войны у нас умер отец. Нам, малышам, сказали, что у него не выдержало сердце. А как оно не могло выдержать? Этого мы понять никак не могли. Он был такой большой, красивый, высокий, а значит, и сердце должно было быть такое большое... Теперь за отца был наш дед Пахом. Он научил нас всему, что умел сам. Однажды мама пришла вся заплаканная:— Война! — сказала она только одно это слово, опустившись без сил на деревянную лавку.— Ну и что, что война! Мы в неё часто с мальчишками играем, — удивленно взглянув на неё, сказал я.— Помолчи, сынок! Это настоящая война — не игрушечная! — и наш дед заходил по комнате от печки к углу, и назад, взволнованно ругая какого-то Гитлера....Страшно стало с первого дня войны. Я запомнил на всю жизнь этот первый день настоящей войны. Все куда-то бежали, сёстры мои, плакали, мама кричала на нас, но мы не обижались. Она накрывала Иришке голову своей сумочкой, когда бомбили. Самолёты летели так низко, я думал они к нам в сад на яблони садут, словно большие птицы. Потом я увидел фашиста. Сначала я думал, что фашисты — это машины, самолёты, а увидел солдата в каске и на

мотоцикле.— Сашко, собери всех в дом, — сказал мне дед. — Будем в погребе прятаться от этих нехристей. Исполняя дедово приказание, вдруг увидел, как этот «нехристь» бьёт бабу Феню в соседнем дворе. Она кричала и плакала, а он бил её сапогом в живот. Сёстры мои обнаружили в малиннике. Они сидели, закрыв голову руками, так их учила мама, когда мы прятались от бомбежек.— Вот дурочки, зачем закрываете голову? Не бомбят ведь!— А мы Шашко боимся, — ответила мне Иришка. Она так смешно не выговаривала букву «с», поэтому и имя моё произносила не Сашко, а «Шашко». Иришка была самая младшая из нас четверых, словно хвостик, цеплялась за всеми, ябедничала, капризничала, зная, что её любят больше нас и жалеют тоже больше нас. Ей всего было только три.— Чего так долго? — спросил меня дед.— Ничего не долго,— ответил я ему. Пока этих «куриц» нашёл! Опять ни за что из-за вас мне попало. Девчонки! И почему им всё разрешаете, а меня только ругаете и ругаете? — бросил я зло, смотря в сторону своих сестёр. — Глаша, надо расчистить в погребе место. Будем прятаться, лишние банки с погреба повытаскивай, — обратился дед к маме.— Я думаю, они пришли надолго. Минск, рассказывают беженцы, горит, весь в огне. Вдруг мы все услышали автоматную очередь и звон разбитого стекла. Стреляли по окнам соседней хаты.— Вот мерзавцы, что вытворяют? — испуганно сказал дед. — Глаша, уводи скорее детей. Прячьтесь, а я здесь останусь. Уходите! Детям скажи, чтобы тихо сидели в подполе. Кто знает, что у этих извергов на уме. Я, и мама, собрав кое-какие вещи, спустились в погреб вместе с моими сёстрами.— Теперь сидите тихо! — предупредила нас мама.— Это чтобы они нас не нашли? — спросил я её.— Ты бы хоть не задавал глупых вопросов. Большой уже, понимать должен! — качая головой, устыдила меня мама. Через некоторое время мы услышали чужую речь в нашем доме.— Они нас убьют, да? — опять я задал вопрос.— Тише, сынок, помолчите все, тихо, дети! Дед Пахом кому-то говорил:— Нет в доме никого. Я только один, а невестка моя ушла в город со всеми бабами. Испугалась она.— Врёшь, куда могла уйти это учительша, у неё детей четверо, — услышали мы знакомый голос нашего соседа.— Да нет их, Петро! Ты ведь видел, как все уехали и Глаша с ребятами тоже! — настаивал на своём дед Пахом.— Смотри, старик! Худо будет, если мы их найдём. Если появятся, придёшь и сообщишь в комендатуру новым властям, понятно? — слышался топот сапог, и хлопнула входная дверь.— Геру офицеру поставишь сюда кровать и немедленно! — приказал Петро.— Прямо сюда? — удивлённо спросил его дед.— Приказы не обсуждать! Сказано тебе и всё! Не забудь приготовить чистую постель. К вечеру приду, проверю! Ты понял меня, старик?— Хорошо! — ответил ему наш дед. Как только они ушли, дед, приподняв крышку погреба, нам сказал: — Уходить надо, Глаша! Ищут они тебя. Здесь квартировать будет офицер. Да и дети всё время тихо сидеть не смогут.

Девчонки маленькие, плакать начнут. От греха подальше, к вечеру уходите в город к Николаю. Я пока начну собирать вам кое-какую одежонку.— Слышал, сынок! Не можем мы здесь оставаться! Опасно! Коли дед так забеспокоился, значит, не зря...— Мама я видел, как они били бабу Феню... Они и деда Пахома могут убить? Как мы его оставим? Кто ему воды наносит, кто дров порубает? Я его не оставлю! Вы с девчонками уходите, а мы с дедом останемся тут вас ждать. Вот, увидишь, скоро этих немцев прогонят! — в моих словах была такая уверенность, что мама улыбнулась. Она обняла меня и я помог ей и девчонкам выбраться из погреба. Но уйти к деду Николаю мы не успели! Во дворе рвался с цепи наш уличный сторож — пёс Рэмка, а это значило, что во двор входили чужие. Эти чужие с автоматами наперевес, прошли в наш сарай и стали стрелять в кур и уток....Дед наш выскочил из хаты, а мне приказал не высовываться!— Что ж вы делаете? Зачем вам столько? Не пущу! — кричал он. Его грубо оттолкнули всё те же люди в серой форме, припугнув автоматом. Они погрузили наших кур и уток, покидали поросят в кузов машины. Стали выводить корову. Зорька упиралась, но её больно стегали по бокам, тащили за рога, наконец, сломав ей один рог, добились желаемого.Корова мычала, и от этого мычанья стали во весь голос плакать девчонки.— Корову оставьте, корову не отдам! Кормилица ты наша! Внукам как без молока? Не отдам корову! Слышите, не отдам!! — слышали мы крики деда со двора, от этих криков кулаки мои сжались до боли. И мне так хотелось ему помочь... Но как? Мама крепко держала меня за руку, так крепко, что, казалось, сейчас оторвёт мне руку. Потом вдруг услышали какой-то хлопок, затем кто-то споткнулся о поленицы дров и рассыпал их.— Мамочка! Они будут тоже его бить, как бабу Феню! Отпусти меня! Отпусти! Может быть, он упал и не может подняться? Ведь кто-то же рассыпал во дворе дрова? — я умоляюще просил маму, но она всё так же крепко держала меня за руку.— Нельзя, сынок! Не ходи! Дождёмся, пока они уйдут... Потом вместе с тобой пойдём и посмотрим. Девочки, перестаньте плакать! Тише! Тише, мои родные! Во дворе протрещала автоматная очередь. Завыл и заскулил наш пёс так жалобно и неистово, что мама выпустила мою руку и прикрыла ладонями своё лицо. Я видел в окошко, как погрузили нашу корову в эту же машину и она, тронулась. Когда стихли голоса, мы с мамой выбежали во двор, оставляя за плотно прикрытой дверью девчонок. Дед Пахом лежал на поленицах дров. Он был тяжело ранен в живот. В курятнике не осталось никакой живности, он был пуст.— Сашко, — как сквозь сон, услышал я голос мамы. — С кровати принеси простынь! Бегом, бегом! Да на деда не смотри, не смотри, милый! Я не помню, как очутился снова возле матери, но зачем-то прихватил с собой простынь и две подушки.— Сашко! — дед, увидев меня, обрадовано вскинул брови. — Ты...Больше он ничего не успел сказать. Внутри у

него что-то забулькало, захрипело, у губ появилась кровь, а глаза стали смотреть не на меня, а куда-то в одну точку.— Папка, родненький! Не умирай! Не умирай! — закричала мама. — Прошу тебя, не умирай!!! Она трясла его за плечи, отчего поленицы дров скатились деду на грудь.— Что ты делаешь, мама? Ему же больно! — попытался я остановить маму и оттащить её руки от деда, но они так крепко держали его за плечи, что сделать было невозможно. Она зашлась криком, от которого мне сделалось страшно. И я тоже заплакал.— Мама! Мама! Тихо, не плачь, не надо! Девчонок напугаешь, — всхлипывал я. Мама, откричав, зачем-то начала перевязывать уже мёртвого деда Пахома, а я побежал к скулящему Рэму. Пёс лежал и ждал помощи. Ему прострелили ноги. Он скулил, а потом начал громко взвизгивать, когда увидел, что я к нему приближаюсь. Обняв его, и прижав голову моего верного друга к себе, я не смог больше сдерживаться и разрыдался по-настоящему. Вернее и преданнее Рэма у меня не было друга. Собака, скуля и ища защиты, уткнулась мне своей мордой в ладони, тяжело и прерывисто дышала. Мама, шатаясь, подошла ко мне.— Что с ним, Сашко? Что с тобой, Рэмка? — обратилась она к псу.— Мама, у него прострелены лапы! Давай забинтуем и перенесём в хату, — попросил я её.— Нужно позвать дядю Трофима. Он у нас до войны, помнишь, козу вылечил? — смотря куда-то поверх нас, ответила мама. Мы перебинтовали собаке лапы, как сумели и понесли в хату, но пёс оказался такой тяжёлый, что пришлось нам несколько раз отдыхать. Собака немного затихла, уже не визжала, а стонала, глядя на нас своими умными коричневыми глазами.— Терпи! Терпи! Не умирай! Не умирай, как дед Пахом! — уговаривал я собаку. Мама опять заплакала и закричала:— Изверги! Звери! Кто только вас породил? — запричитала она. — Будьте вы все прокляты! К ночи многие из нашего села хоронили своих близких, тех, кто посмел оказать сопротивление «новым властям». Дядя Трофим дал какое-то лекарство Рэму, тихо сказав при этом матери:— Так будет лучше. Собака сдохла. И мы похоронили Рэма в нашем яблонево́м саду, где уже был один бугор — под ним лежал наш дед Пахом... Я не плакал: жалел маму, а она жалела меня. Стояла в чёрном платке, закрыв ладонями лицо, прислонившись к яблоне, по стволу которой сочился сок, светлый, как слёзы.

Елена ПОНОМАРЕНКО «Похоронка»

Первые «похоронки» приходили с войны в наш город так же, как и в другие города. Слышны были крики и плач женщин. Становилось страшно за нашего отца.— Война скоро кончится! — обещал он нам, когда уходил на фронт.— И мы обязательно с Пётром вернёмся, — успокаивал он мою маму и нашу соседку

тётю Иру. Пётр и мой отец были неразлучными друзья, дружили ещё со школы ...Но шёл уже 43 год, а войне не было видно конца. Мы люто ненавидели фашистов, заставляющих так горько плакать и переживать детей и взрослых. Ненавидели почтальона тётю Люсю, ведь именно она приносила в семьи горе – бумажки коричневого цвета. Всё чаще и чаще, чем треугольники, заветные треугольники с радостной вестью о брате, сестре, отце, обо всех, кто воевал. Мама ушла в ночную смену, а мы должны были идти рыть щели: помогать взрослым. Колька обещал захватить лопату, а то моя сломалась, и я его ждал в нашей холодной, давно не топленной квартире. Всё, что можно было, уже сожгли в буржуйке. Осталось только кровать, один стул и стол. Мама так исхудала, что на этом стуле мы помещались вдвоём, когда ели скудный ужин. Собирали драгоценные крошки хлеба со стола, боясь уронить, потерять мизерную порцию. Хотя мама получала рабочие карточки, постоянно хотелось есть. Отцу я писал почти каждый день, надеясь, что мои письма он получает. От него пришло два письма, и их мама перечитывала, зная уже наизусть все о чём, там написано...«У меня всё хорошо. Пишу Вам, мои дорогие, перед боем. Стоит такая тишина, порой не верится, что идёт война. Как вы там? За меня не переживайте. Серёжа, береги маму и во всём ей помогай...». На этом письмо обрывалось, только внизу листка поставлена дата 21.09.1942. По ночам я слышал, как плакала мама, уткнувшись в подушку, чтобы ненароком не разбудить меня. Я вставал с кровати, брал одеяло и укутывал маму, садясь с нею рядом. Мы сидели молча, но каждый из нас думал об отце. Мне вспоминались обрывки его фраз, слова, походка, и, конечно, игры, в которые мы с ним играли...Мимо окна прошла почтальон, тётя Люся, и мне показалось, она задержалась возле нашей калитки.— Точно, идёт! Только бы с хорошей новостью! Пожалуйста, тётя Люся, — взмолился я. Дверь открылась и тётя Люся вошла в дом.— С плохой вестью к вам, с плохой, — сказала она и присела на стул.— Серёжа! На, читай! Она протянула казенный конверт серого цвета и тяжело вздохнула. От этого конверта повеяло холодом, без того в холодной квартире, стало ещё холоднее.— Этого не может быть! Понимаете, кроме него у мамы никого нет. Они детдомовские, — зачем-то сказал я.— Маме скажешь сам? Или мне пригласить вашу соседку? Не слушая её, я раскрыл конверт:«Половцев Иван Сергеевич пропал без вести в районе Орла. В расположение роты не вернулся 21.12.1942 года» и подписи, но их я уже не видел: всё поплыло перед глазами, строчки становились то большими, то маленькими, потом вовсе пропали. Очнулся я, на кровати, а со мной рядом сидела тётя Люся.— Сердешный мой! Война, она для взрослых тяжела, а для вас, воробышков, страшное испытание. Попей воды! — она подала мне стакан с водой. Мне надо идти, Серёжа! Сейчас придёт соседка ваша — Ксюша. Ты лежи, не вставай,

ладно? Ох, ты, господи! Горе-то, какое! Ещё четыре у меня таких. Как тяжела эта работа: все только и думают, что я принесу в дом только горе да печаль – по щеке её скатилась слеза. Я маме про «похоронку» не скажу! – вдруг сказал я. – И вы ничего не говорите! Не было её, никто его мёртвым и убитым не видел. Никто, понимаете? Никто! – Как же? Будем молчать? Потом ещё тяжелее будет оправдываться, лгать. Серёжа, ты не лгал никогда, а я ведь не обманывала никого, очень трудно этому научиться, сынок... – Маме не скажем! Сердце у неё слабое. До войны сколько раз лежала в больнице, таблетки разные пила, уколы ей Ксюша ставила. Она не выдержит, эта бумага может убить её, – продолжал я. В комнату вошла наша соседка Ксюша. Я хотел, было уже подняться, но ноги были как ватные, казалось, что я их не чувствую. – Серёжа, я уже всё знаю! – подошла к кровати Ксюша. – Как только скажем Маринке? Ты-то сам, что решил? – Маме не скажем! Это я точно решил! Посмотри, что у меня с ногами! Встать не могу, пробую спустить их на пол, а не получается. Ксюша работала в госпитале и сразу насторожилась, понимая, что это не просто так, – шутка. Она сняла булавку с кофты, затем стянула тёплые штаны, кончиком булавки стала колоть ноги, начиная с пальцев. Иголки я не чувствовал совсем и боли тоже. Видя, как переглянулись женщины, я почему-то понял, что дело моё «швах». – Ты совсем не чувствуешь боли? – ещё раз переспросила меня Ксюша. – Нет... Это серьёзно? Когда все вернётся на свои места? – взволновано спросил я Ксюшу. – Не знаю, каждый организм справляется по-своему. Может через день, неделю, а, может... – и замолчала. – Что может? Договаривай Ксюша, – попросил я. – Ты хочешь сказать, что я так и буду теперь лежать на этой кровати? А мама? Что мы ей скажем? – Правду!.. – сказала Ксюша. Тебя завтра осмотрит наш врач. Не бойся он хороший доктор. А я буду делать то, что он тебе назначит. – И «похоронку» покажем? – Покажем!.. – тихо ответила мне Ксюша. Тётя Люся заплакав, ушла из нашего дома. Мама вернулась с завода только поздно ночью, всё это время со мной была Ксюша. Врач приходил и тоже долго колдовал над моими ногами. Взгляд у него был такой же, как и у Ксюши напуганный. Из медицинских терминов, которыми изъяснялся он и Ксюша, я запомнил только один: «Парапарез обеих конечностей». Мама, как села за стол, так и не поднималась долго-долго. Не один десяток раз она перечитала страшное послание. Сидела совсем отрешённая, не плакала, только раскачивалась на стуле из стороны в сторону. Потом подошла к доктору и попросила сердечного лекарства. – Мёртвым его не видели!.. – только и сказала она. – Буду ждать и надеяться.... Только к весне я начал понемногу ходить. Сначала от одной спинки кровати к другой, затем к стулу. Ксюша делала мне ежедневно массаж ног, колола какие-то уколы: всё это в совокупности дало свой положительный результат. Мой друг Колян принёс костыль его бабушки –

передвигаться стало легче. Ранним утром, когда мама собиралась на работу, в окно постучали. Отодвинув занавеску, она увидела человека в шинели. Не осознавая ещё, что это наш отец, она выбежала во двор. Со двора я слышал её крики и плач. Отец, обнимая маму одной рукой, зашёл с ней в веранду. Другой рукав у него был заправлен в карман шинели.— Будет! Будет! — успокаивал он маму. — Правда, не совсем целый, но живой! Я рванулся с кровати, упал прямо к отцовским ногам.— Забыл, что ноги мои ещё совсем плохо двигаются.— Мы знали, что ты вернёшься! Мы верили!! Мы надеялись!! — хотелось сказать сразу очень много. Я торопился, проглатывая слова. Отец присел на корточки, погладил меня по голове левой рукой.— Примете?! — ещё раз спросил нас отец. Мама опустилась перед ним на колени, обняла меня. Так нас и застала вошедшая в квартиру Ксюша...

Юрий ЯКОВЛЕВ «Память»

После урока в пустом классе сидела черноголовая девочка и рисовала. Она подперла щеку кулачком, от чего один глаз превратился в щелочку, и старательно водила кисточкой по листу бумаги. Время от времени девочка отправляла кисточку в рот, и на губах виднелись следы всех красок ее небогатой палитры. За этим занятием ее и застала завуч Антонина Ивановна.— Тебя оставили после уроков? — спросила строгая наставница, и в пустом классе ее голос прозвучал гулко и раскатисто.— Нет, — отозвалась девочка и нехотя встала. — Я рисую.— Почему не идешь домой?— У меня скоро кружок. — Девочка по привычке отправила кисточку в рот. — Я хожу в танцевальный. Антонина Ивановна собралась было уходить, но девочка остановила ее неожиданным вопросом:— Вы Лиду помните?— Какую Лиду? — Мало ли на своем веку завуч знавала Лид вроде этой черноголовой. — Какую Лиду?— Лиду Демеш.— Из какого класса? — почти механически спросила завуч.— Она не из класса, — ответила девочка. — Она из Орши. Слова «из Орши» почему-то заставили Антонину Ивановну задержаться. Учительница опустилась на краешек парты, задумалась.— Она спала на минах, помните?— На минах?— Она спала на минах. Одна в холодной сараюшке. Мины могли взорваться. Вы приходили к Лиде за минами. Помните? Черноголовая как бы взяла за руку пожилую учительницу и привела ее в покосившийся сарай с крышей из ржавого, отслужившего железа. Дверь открывалась со скрипом. Внутри было темно, пахло дровами и прелью. А в дальнем углу стояла койка на кривых ножках.— Вспомнила, — с облегчением сказала Антонина Ивановна, и ее голос прозвучал задумчиво, приглушенно, словно донесся из Лидиной сараюшки.

Мины лежали под койкой в груде битого кирпича.— Верно, — подтвердила девочка. Со стороны разговор завуча и девочки выглядел очень странно. Девочка вспоминала то, чего она в силу своего возраста не могла помнить, и как бы задавала учительнице наводящие вопросы.— А помните, как Лида торговала яйцами?— Какими яйцами? Антонина Ивановна слегка покраснела — уж слишком много получалось наводящих вопросов.— Обыкновенными яйцами, — пояснила девочка. — Лида выносила на станцию полную корзину. А вы в это время подкладывали под состав мину.— Верно! Немцы бежали от вагонов к Лиде, совали ей засаленные марки, а я делала свое дело... Что ты еще помнишь о Лиде? Антонина Ивановна и не заметила, как вместо «знаешь» сказала «помнишь». На какое-то мгновение ей показалось, что обо всем, что в годы войны происходило в Орше, она впервые узнаёт со слов своей ученицы. И оттого, что маленькая ученица так уверенно ориентируется в ее военном прошлом, пожилая учительница почувствовала себя защищенной от разрушительной силы забвения. Теперь она настойчиво прокладывала дорогу в свое прошлое, благо в этом трудном занятии у нее оказалась прекрасная помощница.— Что ты еще помнишь о Лиде?— Накануне праздников Лида всегда стирала свой пионерский галстук. Она же не носила его?— Не носила. Но стирка галстука напоминала ей мирное время. Хотя мыло было на вес золота. — На вес золота? Мыло? — удивилась черноголовая и тут же продолжала свой рассказ: — Однажды Лиду застал полицейский.— Она мне об этом не рассказывала, — нерешительно сказала завуч.— Застал, — уверенно повторила девочка. — Но Лида не растерялась выплеснула воду на кирпичи. Красный галстук слился с кирпичами. В это время дверь отворилась, и в класс, очень невысоко от пола, просунулась стриженная голова. Тонкий голосок, заикаясь, произнес:— Вв-вас директор зз-зовет! Голова исчезла. Антонина Ивановна, однако, не спешила уходить.— Ты откуда знаешь про Лиду? — спросила она.— Знаю. — Девочка внимательно смотрела на завуча, при этом облизывала кисточку. — Я и про вас знаю... Юная партизанка Тоня Кулакова...— Тоня Кулакова, — подтвердила Антонина Ивановна и посмотрела на свою маленькую собеседницу как бы издалека. — Я ведь тоже была девчонкой. На два года старше Лиды.— Лида все время толкалась на станции. Среди фашистов. Считала вагоны. Заглядывала внутрь. И записывала.— А я доставляла записочки партизанам. Теперь разговор строгой наставницы и ученицы напоминал встречу двух бывалых людей, когда один помогает вспоминать другому, и две человеческие памяти сливаются в одну.— Лида не только хранила мины, она собирала их, — говорила девочка. Она была ловкой и осторожной. Ни одна мина не взорвалась в ее руках.— Мина не взорвалась, — подтвердила Антонина Ивановна и опустила голову, — но Лида погибла...Две

собеседницы замолчали, как бы сделали привал на своем трудном пути. Первой заговорила девочка:— Дедушка говорит, что все равно от чего погибать — от мины или от пули.— Это верно, — согласилась Антонина Ивановна, — вопрос — кому погибать. Теперь девочка опустила голову. Она как бы затерялась на далеких сложных перекрестках прошлого и напряженно искала верную дорогу. На мгновение она утратила уверенность. Кому погибать? Как ответить на этот бесконечно трудный вопрос? Тем более что погибнуть должна была Тоня, Антонина Ивановна. Вместо привала наступил самый трудный участок пути. Девочка вдруг подняла глаза на учительницу и, как бы рассуждая сама с собой, заговорила:— Лида спала на минах и приносила на станцию яйца... в корзине. И передавала вам записочки для партизан. Но на этот раз вы не пришли...— Я не пришла! В том-то и дело!— Вы не пришли, и Лида сама понесла записочку к партизанам. И попала в засаду...В класс снова заглянула стриженная голова. И тонкий голосок, заикаясь, повторил:— Вв-вас директор зз-зовет! Завуч не услышала голоса и не увидела стриженной головы. Она как бы покинула класс и перенеслась в далекое тяжелое время, когда взрывались эшелоны врага, а тринадцатилетние девочки погибали наравне с взрослыми бойцами. Девочка тоже не заметила посланца директора. Она продолжала отвечать на трудный вопрос:— Вы не пришли, потому что были ранены. Раненые не могут ходить... Вы были ранены...Антонина Ивановна молчала. Тогда девочка дотронулась до руки учительницы.— Вы же были... были!..Девочке казалось, что завуч никак не может вспомнить, была ли она ранена накануне того дня, когда схватили Лиду. Силится и никак не может вспомнить. И, чтобы помочь ей, девочка спросила:— У вас болит плечо? Антонина Ивановна как-то механически погладила левое плечо правой рукой.— Болит временами, по погоде...— Вот видите, болит по погоде! — обрадовалась черноголовая: наконец-то ей удалось убедить Антонину Ивановну, что она была ранена.— Теперь, когда заболит старая рана, вспоминаешь не о войне, а о поликлинике, — рассеянно сказала учительница. А девочка уже двигалась дальше:— Когда Лиду вели на расстрел, она крикнула: «Передайте маме, что меня ведут на расстрел!»Эти слова так непривычно прозвучали в пустом классе, что Антонине Ивановне показалось, будто она слышит голос своей маленькой боевой подружки — пионерки Лиды Демеш. И сама Лида стоит рядом: беленькое лицо, ровные низкие брови, внимательные серые глаза, глядящие чуть исподлобья...Голос, удивительно похожий на Лидии, произнес:— Мне пора на кружок... Я хожу в танцевальный...«Лида тоже ходила в танцевальный» — подумала бывшая партизанка Тоня Кулакова. Дверь тихо затворилась. И девочка, которая когда рисует, облизывает кисточку, ушла, а учительнице показалось, что ушла Лида. Лида Демеш... И Антонина Ивановна все не решалась поднять глаза, чтобы не

обнаружить, что Лиды нет рядом. Антонина Ивановна продолжала оставаться в том трудном и бесконечно дорогим времени, куда ее неожиданно привела черноголовая девочка и откуда, заглушая все звуки жизни, долетели слова: «Передайте маме, что меня ведут на расстрел!»

От автора В этом рассказе очень мало вымышленного. И все, что связано с маленькой пионеркой — героиней Лидией Демеш, — правда.

Елена ПОНОМАРЕНКО «Побег»

...Когда пулеметы строчат из самолета, то кажется, что все пули у тебя в спине.— Ложись! Ложись! — кричит мне мама и сама падает на меня. Только тогда не слышишь противного визга пуль и даже не страшно. Мама прикрывала мою голову простым ведром, когда мы ехали в какой-то машине.— Пусти! Пусти! — кричал я. Совсем не понимая, что так и надо было. Так ужасов не видно. Но маму убили... Нам, детям, страшно было терять родителей, а если это происходило у тебя на глазах? Её автоматной очередью расстрелял немецкий солдат. От неожиданности я тоже упала и лежала не шевелясь. Немец подошел к нам, стукнул сапогом маму, занес сапог надо мной, но тот, что шёл рядом с ним, грубо прикрикнул на него и немец прошёл мимо меня. Когда всех погнали в колонне, пыталась запомнить эту местность, чтобы непременно вернуться и похоронить маму.— Беги, дочка, беги и не оглядывайся! Будешь отставать — пристрелят. Поверь мне! — сказала мне какая-то женщина. Она взяла меня за руку, и мы побежали с ней вместе. Сколько бежали? Не помню... На небольшом привале женщина мне сказала:— Теперь тебя звать Наташа Ковалёва и ты моя дочь.— Нет! Нет! Нет! — заплакала я. — Я мамина дочь и звать меня Ирой Сазоновой, слышите?— Успокойся! Я знаю, девочка, знаю! Но сейчас так надо, мне надо и тебе, чтобы выжить, понимаешь, чтобы не умереть в этом аду, — она трясла меня, пытаюсь успокоить и привести в чувство.— Тебя звать Наташей Ковалевой, повтори! — и женщина взглянула мне в глаза.— Меня зовут Наташей Ковалевой... — повторила я, отвернувшись от неё. — Зачем это вам? Я всё равно не ваша, вы бросите меня.— Если бы я хотела это сделать, прошла бы мимо и никогда на тебя не взглянула. Моя девочка погибла. Она твоего возраста... — помолчав, сказала женщина. — Нам просто необходимо с тобой выжить для того чтобы после войны найти твоих родственников, а мне по другой причине: спасти сейчас от одиночества и горя, которое на меня обрушилось. Иначе я на себя руки наложу... Я подбежала к ней, обхватила её шею и стала целовать щеки, губы, лоб совсем незнакомой мне женщины.— Пойдем скорее! Нам нельзя отставать от колонны.— Куда они нас гонят?— Не

знаю, дочка! Говорят, что на станцию. А что будет дальше? Никто из нас не знает, Наташенька. Чужое имя вновь резало мой слух, но теперь так было нужно и с этим необходимо было смириться. По дороге в нашу колонну вталкивали очередных беженцев, и нас становилось все больше и больше. Втайне каждый надеялся спастись: убежать, спрятаться. Попытка бегством каралась расстрелом. Несколько человек у оврага решили убежать, но автоматные очереди не оставили никого в живых. Они не щадили ни женщин, ни детей.— Не смотри, Наташенька! Зинаидой Петровной меня звать. Запомнишь? Мы из под Бобруйска. Деревня Лутошкино, жили на улице Солнечной, дом два. Запоминай, Наташенька! Не раз тебя об этом спросят. Нас пригнали на станцию Снежить. Подали состав и только тогда мы поняли, что он предназначался для нас. Ничего, не объясняя, всех загрузили в состав— Куда нас теперь? — спросила моя новая мама у охранника, видимо, из наших местных, из белорусов.— Молчать! Молчать! Не будоражить народ. В Германию повезут, за счастье должны считать! Заткнитесь, твари! — он замахнулся на женщину с ребёнком, которая начала кричать и проклинать фашистов и его вместе с ними.— Кто не зайдет в вагоны добровольно: приказано стрелять. А я уж постараюсь приказ выполнить, не беспокойтесь! — орал охранник. — Бросили вас волки. Вот им — защитникам своим скажите: «Спасибо!». Пошевеливайтесь, я сказал! И он выстрелил из автомата в старенькую бабушку, которая не смогла подняться в вагон.— Как дойдём до вагона, сразу ныряй под него. Под вагоном проберешься на другой путь и беги, беги, дочка! — сказала мне Зинаида Петровна.— А вы, а ты, мама? — посмотрела тревожно я на неё.— Я так не смогу. Тебя прикрою, специально создам затор, а ты беги, беги, дочка! Она подтолкнула меня, я упала, она на меня, другие, кто шли за мной тоже повалились с ног. Послышалась опять автоматная очередь. Немец стрелял по упавшим. По моему лицу потекла чья-то кровь.? Тетя Зина, мама!! — закричала я, но голоса своего не слышала.— Быстрее, дочка, быстрее! Бросай всё и беги, дай бог свидимся. Она не договорила: её рука дернулась, а сама она как-то вытянулась, и нос её заострился.— Мама Зина! Мама Зина! — сквозь рыдания, кричала я. — Как без тебя буду? У края перрона образовалась суeta, и я воспользовалась ей. Потихоньку спустила ноги через перрон и шмыгнула за колесо вагона. Спрятавшись, выбрала момент, когда немец отвернулся, и начала перебегать короткими перебежками до следующего состава, стоящего на путях. О страхе не думала, как-то вся сгруппировалась, когда стреляли, нагибалась. Цвет моего пальто был примерно такого же цвета как железнодорожная насыпь. Споткнулась, упала в какую-то канаву. Было очень холодно. И снился мне сон, что мама и мама Зина укутывают меня в теплое одеяло и поочередно говорят ласковые слова.— Наташенька, солнышко!—

Ирочка, радость моя! Когда открыла глаза, увидела старенькую бабушку, укрывающую меня одеялом.— Пришла она в себя! Пришла, дед, слышишь! — говорила она кому-то. — А то ведь уже и не чаяли тебя живой увидеть. Думали, подстрелил тебя немец, как и мамку твою.— А вы кто?— Не бойся девочка. Тебя здесь никто не обидит. Намаялась, бедненькая. Поспи еще, поспи. Сон он лучше всего сейчас будет для тебя, — ласкового погладила меня по голове шершавая старушечья рука.— Вы кто? — переспросила я, отстраняясь от незнакомой старушки.— Теперь мы твои дедушка и бабушка. Всем так говори. Привезли тебя к нам из города, в гости. Я — баба Маша, а он — дед Кузьма. Звать тебя как?— Наташа, нет Ира! — быстро ответила я.— Так не бывает. У человека только одно имя. Так Наташа или Ира?— Для мамы своей была Ира, а для тети Зины, что меня спасла, стала Наташей, — тихо проговори я. — Только их убили: сначала маму, а потом маму Зину.— Видели, как вас всех давеча на станции расстреливали фашисты. А ты шустрая, видать, убежала?— Да...— К нам с дедом прибежала и так застучала в окно, что стекла чуть все не переколотила. Как в дом забежала, так и упала в обморок. Почитай сутки ни на что не реагировала: спала или без сознания была — мы с дедом так и не поняли. Ну да, ладно! Пришла в себя и хорошо! Правильно говорю!— Да, — кивнула я, совсем успокоившись. — Вы не выдадите меня фашистам?— Нет, внучка! Обещаю, спи! Ни о чем не думай... Закрывай глаза, и пусть тебе приснится только хороший сон, внученька. Спи, родная! Дитятко мое, многострадальное! Засыпая, я чувствовала на своей голове её шершавую ладонь. Слышала, как дед Кузьма укрыл меня шалью, от чего стало спокойно и тепло. Но во снах мне опять виделась мама, моя добрая мама, мамочка: единственная и любимая.

Лев КАССИЛЬ «Памятник советскому солдату»

Долго шла война. Начали наши войска наступать по вражеской земле. Фашистам уже дальше и бежать некуда. Засели они в главном немецком городе Берлине. Ударили наши войска на Берлин. Начался последний бой войны. Как ни отбивались фашисты - не устояли. Стали брать солдаты Советской Армии в Берлине улицу за улицей, дом за домом. А фашисты всё не сдаются. И вдруг увидел один солдат наш, добрая душа, во время боя на улице маленькую немецкую девочку. Видно, отстала от своих. А те с перепугу о ней забыли... Осталась бедняга одна-одинёшенька посреди улицы. А деваться ей некуда. Кругом бой идёт. Из всех окон огонь полыхает, бомбы рвутся, дома рушатся, со всех сторон пули свистят. Вот-вот камнем задавит, осколком пришибёт... Видит наш солдат - пропадает девчонка... «Ах ты, горюха, куда же тебя это

занесло, неладную!..»Бросился солдат через улицу под самые пули, подхватил на руки немецкую девочку, прикрыл её своим плечом от огня и вынес из боя.А скоро и бойцы наши уже подняли красный флаг над самым главным домом немецкой столицы.Сдались фашисты. И война кончилась. Мы победили. Начался мир.И построили теперь в городе Берлине огромный памятник. Высоко над домами, на зелёном холме стоит богатырь из камня - солдат Советской Армии. В одной руке у него тяжёлый меч, которым он сразил врагов-фашистов, а в другой - маленькая девочка. Прижалась она к широкому плечу советского солдата. Спас её солдат от гибели, уберёг от фашистов всех на свете детей и грозно смотрит сегодня с высоты, не собираются ли злые враги снова затеять войну и нарушить мир.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Первая колонна»

В 1941 году фашисты блокировали Ленинград. Отрезали город от всей страны. Попасть в Ленинград можно было лишь по воде, по Ладожскому озеру.В ноябре наступили морозы. Замёрзла, остановилась водяная дорога.Остановилась дорога — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород нужна Ленинграду дорога.— Будет дорога! — сказали люди.Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.Не каждый верил в такую дорогу. Неспокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер — сиверик, — появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким. А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?— Растёт.— Нарастает.— Силу берёт.Волнуются люди, торопят время.— Быстрее, быстрее, — кричат Ладоге. — Эй, не ленись, мороз!Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи (это те, кто изучает воду и лёд), прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.Прошли гидрологи — выдержал лёд.Прошли строители — выдержал лёд.Майор Можаяев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал

— выдержал лёд. Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани. Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта — на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину. 22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег. Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны. — Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут? Прошли сутки. И вот: — Едут! Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три. С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжёлые грузы. Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро. Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду. Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её называли.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Таня Савичева»

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде. Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник. Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет: «Женя умерла 28 декабря в 12.30 час. утра. 1941 г.». Женя — это сестра Тани. Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет: «Бабушка умерла 25 янв. в 3 ч. дня 1942 г.». Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем: «Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.». Лека — это брат Тани. Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем: «Дядя Вася

умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 год». Ещё одна страница. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка: «Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942». Вот страница с буквой «М». Читаем: «Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942». Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет: «Савичевы умерли». Открывает страницу на букву «У». Уточняет: «Умерли все». Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О». Написала: «Осталась одна Таня». Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда. Но не долго прожила Таня. От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье. Не стало и Тани Савичевой. Скончалась Таня. Дневник остался. «Смерть фашистам!» — кричит дневник.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Шуба»

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина. Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полуторку. Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки. Из разных мест собрались ребята. Кто с Охты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет. Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее. Идёт по январскому льду полуторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят — сосульки. Вот бы сейчас меховую шубу. И вдруг... Затормозила, остановилась полуторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит: . — Лови! Подхватила Оля овчинный тулуп: — Да как же вы... Да, право, мы... — Бери, бери! — прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята — шуба! От одного вида её теплее. Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам. Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий- далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг... — Эх, была не была! — махнул Коряков рукой. Поехал дальше тулуп овчинный. Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

Сергей АЛЕКСЕЕВ «Жало»

Наши войска освобождали Молдавию. Оттеснили фашистов за Днепр, за Реут. Взяли Флорешты, Тирасполь, Оргеев. Подошли к столице Молдавии городу Кишинёву. Тут наступали сразу два наших фронта — 2-й Украинский и 3-й Украинский. Под Кишинёвом советские войска должны были окружить большую фашистскую группировку. Выполняют фронты указания Ставки. Севернее и западнее Кишинёва наступает 2-й Украинский фронт. Восточнее и южнее — 3-й Украинский фронт. Генералы Малиновский и Толбухин стояли во главе фронтов. — Фёдор Иванович, — звонит генерал Малиновский генералу Толбухину, — как развивается наступление? — Всё идёт по плану, Родион Яковлевич, — отвечает генералу Малиновскому генерал Толбухин. Шагают вперёд войска. Обходят они противника. Сжимать начинают клещи. — Родион Яковлевич, — звонит генерал Толбухин генералу Малиновскому, — как развивается окружение? — Нормально идёт окружение, Фёдор Иванович, — отвечает генерал Малиновский генералу Толбухину и уточняет: — Точно по плану, в точные сроки. И вот сомкнулись гигантские клещи. В огромном мешке под Кишинёвом оказалось восемнадцать фашистских дивизий. Приступили наши войска к разгрому попавших в мешок фашистов. Довольны советские солдаты: — Снова капканом прихлопнут зверь. Пошли разговоры: не страшен теперь фашист, бери хоть руками голыми. Однако солдат Игошин другого держался мнения: — Фашист есть фашист. Змеиный характер и есть змеиный. Волк и в капкане — волк. Смеются солдаты: — Так это было в какое время! — Нынче другая цена фашисту. — Фашист есть фашист, — опять о своём Игошин. Вот ведь характер вредный! Всё труднее в мешке фашистам. Стали они

сдаваться в плен. Сдавались они и на участке 68-й Гвардейской стрелковой дивизии. В одном из её батальонов и служил Игошин. Группа фашистов вышла из леса. Всё как положено: руки кверху, над группой выброшен белый флаг. — Ясно — идут сдаваться. Оживились солдаты, кричат фашистам: — Просим, просим! Давно пора! Повернулись солдаты к Игошину: — Ну чем же фашист твой страшен? Толпятся солдаты, на фашистов, идущих сдаваться, смотрят. Есть новички в батальоне. Впервые фашистов так близко видят. И им, новичкам, тоже совсем не страшны фашисты — вот ведь, идут сдаваться. Всё ближе фашисты, ближе. Ближе совсем. И вдруг автоматная грянула очередь. Стали стрелять фашисты. Полегло бы немало наших. Да спасибо Игошину. Держал оружие наготове. Сразу ответный открыл огонь. Потом помогли другие. Оттремела пальба на поле. Подошли солдаты к Игошину: — Спасибо, брат. А фашист, смотри, со змеиным и вправду, выходит, жалом. Немало хлопот доставил Кишинёвский «котёл» нашим солдатам. Метались фашисты. Бросались в разные стороны. Шли на обман, на подлость. Пытались уйти. Но тщетно. Зажали их богатырской рукой солдаты. Зажали. Сдавили. Змеиное жало вырвали.

Анатолий МИТЯЕВ «Мешок овсянки!»

В ту осень шли долгие холодные дожди. Земля пропиталась водой, дороги раскисли. На просёлках, увязнув по самые оси в грязи, стояли военные грузовики. С подвозом продовольствия стало очень плохо. В солдатской кухне повар каждый день варил только суп из сухарей: в горячую воду сыпал сухарные крошки и заправлял солью. В такие-то голодные дни солдат Лукашук нашёл мешок овсянки. Он не искал ничего, просто привалился плечом к стенке траншеи. Глыба сырого песка обвалилась, и все увидели в ямке край зелёного вещевого мешка. Ну и находка! обрадовались солдаты. Будет пир горой Кашу сварим! Один побежал с ведром за водой, другие стали искать дрова, а третьи уже приготовили ложки. Но когда удалось раздуть огонь и он уже бился в дно ведра, в траншею прыгнул незнакомый солдат. Был он худой и рыжий. Брови над голубыми глазами тоже рыжие. Шинель выношенная, короткая. На ногах обмотки и растоптанные башмаки. — Эй, братва! — крикнул он сиплым, простуженным голосом. — Давай мешок сюда! Не клали не берите. Он всех просто огорошил своим появлением, и мешок ему отдали сразу. Да и как было не отдать? По фронтовому закону надо было отдать. Вещевые мешки прятали в траншеях солдаты, когда шли в атаку. Чтобы легче было. Конечно, оставались мешки и без хозяина: или нельзя было вернуться за ними (это если атака

удавалась и надо было гнать фашистов), или погибал солдат. Но раз хозяин пришёл, разговор короткий отдать. Солдаты молча наблюдали, как рыжий уносил на плече драгоценный мешок. Только Лукашук не выдержал, съязвил: - Вон он какой тощий! Это ему дополнительный паёк дали. Пусть лопают. Если не разорвётся, может, потолстеет. Наступили холода. Выпал снег. Земля смёрзлась, стала твёрдой. Подвоз наладили. Повар варил в кухне на колёсах щи с мясом, гороховый суп с ветчиной. О рыжем солдате и его овсянке все забыли. Готовилось большое наступление. По скрытым лесным дорогам, по оврагам шли длинные вереницы пехотных батальонов. Тягачи по ночам тащили к передовой пушки, двигались танки. Готовился к наступлению и Лукашук с товарищами. Было ещё темно, когда пушки открыли стрельбу. Посветлело в небе загудели самолёты. Они бросали бомбы на фашистские блиндажи, стреляли из пулемётов по вражеским траншеям. Самолёты улетели. Тогда загромыхали танки. За ними бросились в атаку пехотинцы. Лукашук с товарищами тоже бежал и стрелял из автомата. Он кинул гранату в немецкую траншею, хотел кинуть ещё, но не успел: пуля попала ему в грудь. И он упал. Лукашук лежал в снегу и не чувствовал, что снег холодный. Прошло какое-то время, и он перестал слышать грохот боя. Потом свет перестал видеть ему казалось, что наступила тёмная тихая ночь. Когда Лукашук пришёл в сознание, он увидел санитаря. Санитар перевязал рану, положил Лукашука в лодочку такие фанерные саночки. Саночки заскользили, заколыхались по снегу. От этого тихого колыхания у Лукашука стала кружиться голова. А он не хотел, чтобы голова кружилась, он хотел вспомнить, где видел этого санитаря, рыжего и худого, в выношенной шинели. -Держись, браток! Не робей жить будешь!.. слышал он слова санитаря. Чудилось Лукашуку, что он давно знает этот голос. Но где и когда слышал его раньше, вспомнить уже не мог. В сознание Лукашук снова пришёл, когда его перекладывали из лодочки на носилки, чтобы отнести в большую палатку под соснами: тут, в лесу, военный доктор вытаскивал у раненых пули и осколки. Лёжа на носилках, Лукашук увидел саночки-лодку, на которых его везли до госпиталя. К саночкам ремёнными постромками были привязаны три собаки. Они лежали в снегу. На шерсти намёрзли сосульки. Морды обросли инеем, глаза у собак были полузакрыты. К собакам подошёл санитар. В руках у него была каска, полная овсяной болтушки. От неё валил пар. Санитар воткнул каску в снег постудить собакам вредно горячее. Санитар был худой и рыжий. И тут Лукашук вспомнил, где видел его. Это же он тогда спрыгнул в траншею и забрал у них мешок овсянки. Лукашук одними губами улыбнулся санитару и, кашляя и задыхаясь, проговорил: -А ты, рыжий, так и не потолстел. Один слопал мешок овсянки, а всё худой. Санитар тоже улыбнулся и, погладив ближнюю собаку, ответил -Овсянку-то они съели. Зато

дoveзли тебя в срок. А я тебя сразу узнал. Как увидел в снегу, так и узнал. И добавил убеждённо: Жить будешь! Не робей!

Константин ПАУСТОВСКИЙ «Похождения жука-носорога»

(Солдатская сказка)

Когда Петр Терентьев уходил из деревни на войну, маленький сын его Степа не знал, что подарить отцу на прощание, и подарил наконец старого жука-носорога. Поймал он его на огороде и посадил в коробок от спичек. Носорогсердился, стучал, требовал, чтобы его выпустили. Но Степа его не выпускал, а подсовывал ему в коробок травинки, чтобы жук не умер от голода. Носорог травинки сгрызал, но все равно продолжал стучать и браниться. Степа прорезал в коробке маленькое оконце для притока свежего воздуха. Жук высовывал в оконце мохнатую лапу и старался ухватить Степу за палец, - хотел, должно быть, поцарапать от злости. Но Степа пальца не давал. Тогда жук начинал с досады так жужжать, что мать Степы Акулина кричала: - Выпусти ты его, лешего! Весь день жундит и жундит, голова от него распухла! Петр Терентьев усмехнулся на Степин подарок, погладил Степу по головке шершавой рукой и спрятал коробок с жуком в сумку от противогаза. - Только ты его не теряй, сбереги, - сказал Степа. - Нешто можно такие гостинцы терять, - ответил Петр. - Уж как-нибудь сберегу. То ли жуку понравился запах резины, то ли от Петра приятно пахло шинелью и черным хлебом, но жук присмирел и так и доехал с Петром до самого фронта. На фронте бойцы удивлялись жуку, трогали пальцами его крепкий рог, выслушивали рассказ Петра о сыновьем подарке, говорили: - До чего додумался парнишка! А жук, видать, боевой. Прямо ефрейтор, а не жук. Бойцы интересовались, долго ли жук протянет и как у него обстоит дело с пищевым довольствием - чем его Петр будет кормить и поить. Без воды он, хотя и жук, а прожить не сможет. Петр смущенно усмехался, отвечал, что жуку дашь какой-нибудь колосок - он и питается неделю. Много ли ему нужно. Однажды ночью Петр в окопе задремал, выронил коробок с жуком из сумки. Жук долго ворочался, раздвинул щель в коробке, вылез, пошевелил усиками, прислушался. Далеко гремела земля, сверкали желтые молнии. Жук полез на куст бузины на краю окопа, чтобы получше осмотреться. Такой грозы он еще не видал. Молний было слишком много. Звезды не висели неподвижно на небе, как у жука на родине, в Петровой деревне, а взлетали с земли, освещали все вокруг ярким светом, дымились и гасли. Гром гремел непрерывно. Какие-то жуки со свистом проносились мимо. Один из них так ударил в куст бузины, что с него посыпались красные ягоды.

Старый носорог упал, прикинулся мертвым и долго боялся пошевелиться. Он понял, что с такими жуками лучше не связываться, - уж очень много их свистело вокруг. Так он пролежал до утра, пока не поднялось солнце. Жук открыл один глаз, посмотрел на небо. Оно было синее, теплое, такого неба не было в его деревне. Огромные птицы с воем падали с этого неба, как коршуны. Жук быстро перевернулся, стал на ноги, полез под лопух, - испугался, что коршуны его заклюют до смерти. Утром Петр хватился жука, начал шарить кругом по земле. - Ты чего? - спросил сосед-боец с таким загорелым лицом, что его можно было принять за негра. - Жук ушел, - ответил Петр с огорчением. - Вот беда! - Нашел об чем горевать, - сказал загорелый боец. - Жук и есть жук, насекомое. От него солдату никакой пользы сроду не было. - Дело не в пользе, - возразил Петр, - а в памяти. Сынишка мне его подарил напоследок. Тут, брат, не насекомое дорого, дорога память. - Это точно! - согласился загорелый боец. - Это, конечно, дело другого порядка. Только найти его - все равно что махорочную крошку в океане-море. Пропал, значит, жук. Старый носорог услышал голос Петра, зажужжал, поднялся с земли, перелетел несколько шагов и сел Петру на рукав шинели. Петр обрадовался, засмеялся, а загорелый боец сказал: - Ну и шельма! На хозяйский голос идет, как собака. Наскомое, а котелок у него варит. С тех пор Петр перестал сажать жука в коробок, а носил его прямо в сумке от противогаза, и бойцы еще больше удивлялись: "Видишь ты, совсем ручной сделался жук!" Иногда в свободное время Петр выпускал жука, а жук ползал вокруг, выискивал какие-то корешки, жевал листья. Они были уже не те, что в деревне. Вместо листьев березы много было листьев вяза и тополя. И Петр, рассуждая с бойцами, говорил: - Перешел мой жук на трофейную пищу. Однажды вечером в сумку от противогаза подуло свежестью, запахом большой воды, и жук вылез из сумки, чтобы посмотреть, куда это он попал. Петр стоял вместе с бойцами на пароме. Паром плыл через широкую светлую реку. За ней садилось золотое солнце, по берегам стояли ракиты, летали над ними аисты с красными лапами. - Висла! - говорили бойцы, зачерпывали манерками воду, пили, а кое-кто умывал в прохладной воде пыльное лицо. - Пили мы, значит, воду из Дона, Днепра и Буга, а теперь попьем и из Вислы. Больно сладкая в Висле вода. Жук подышал речной прохладой, пошевелил усиками, залез в сумку, уснул. Проснулся он от сильной тряски. Сумку мотало, она подскакивала. Жук быстро вылез, огляделся. Петр бежал по пшеничному полю, а рядом бежали бойцы, кричали "ура". Чуть светало. На касках бойцов блестела роса. Жук сначала изо всех сил цеплялся лапками за сумку, потом сообразил, что все равно ему не удержаться, раскрыл крылья, снялся, полетел рядом с Петром и загудел, будто подбодряя Петра. Какой-то человек в грязном зеленом мундире прицелился в Петра из винтовки, но жук с

налета ударил этого человека в глаз. Человек пошатнулся, выронил винтовку и побежал. Жук полетел следом за Петром, вцепился ему в плечи и слез в сумку только тогда, когда Петр упал на землю и крикнул кому-то: "Вот незадача! В ногу меня задело!" В это время люди в грязных зеленых мундирах уже бежали, оглядываясь, и за ними по пятам катилось громовое "ура". Месяц Петр пролежал в лазарете, а жука отдали на сохранение польскому мальчику. Мальчик этот жил в том же дворе, где помещался лазарет. Из лазарета Петр снова ушел на фронт - рана у него была легкая. Часть свою он догнал уже в Германии. Дым от тяжелых боев был такой, будто горела сама земля и выбрасывала из каждой лощинки громадные черные тучи. Солнце меркло в небе. Жук, должно быть, оглох от грома пушек и сидел в сумке тихо, не шевелясь. Но как-то утром он задвигался и вылез. Дул теплый ветер, уносил далеко на юг последние полосы дыма. Чистое высокое солнце сверкало в синей небесной глубине. Было так тихо, что жук слышал шелест листа на дереве над собой. Все листья висели неподвижно, и только один трепетал и шумел, будто радовался чему-то и хотел рассказать об этом всем остальным листьям. Петр сидел на земле, пил из фляжки воду. Капли стекали по его небритому подбородку, играли на солнце. Напившись, Петр засмеялся и сказал: - Победа! - Победа! - отозвались бойцы, сидевшие рядом. Один из них вытер рукавом глаза и добавил: - Вечная слава! Стосковалась по нашим рукам родная земля. Мы теперь из нее сделаем сад и заживем, братцы, вольные и счастливые. Вскоре после этого Петр вернулся домой. Акулина закричала и заплакала от радости, а Степа тоже заплакал и спросил: - Жук живой? - Живой он, мой товарищ, - ответил Петр. - Не тронула его пуля. Воротился он в родные места с победителями. И мы его выпустим с тобой, Степа. Петр вынул жука из сумки, положил на ладонь. Жук долго сидел, озирался, поводил усами, потом приподнялся на задние лапки, раскрыл крылья, снова сложил их, подумал и вдруг взлетел с громким жужжанием - узнал родные места. Он сделал круг над колодцем, над грядкой укропа в огороде и полетел через речку в лес, где аукались ребята, собирали грибы и дикую малину. Степа долго бежал за ним, махал картузом. - Ну вот, - сказал Петр, когда Степа вернулся, - теперь жучище этот расскажет своим про войну и про геройское свое поведение. Соберет всех жуков под можжевельником, поклонится на все стороны и расскажет. Степа засмеялся, а Акулина сказала: - Будя мальчику сказки рассказывать. Он и впрямь поверит. - И пусть его верит, - ответил Петр. - От сказки не только ребятам, а даже бойцам одно удовольствие. - Ну, разве так! - согласилась Акулина и подбросила в самовар сосновых шишек. Самовар загудел, как старый жук-носорог. Синий дым из самоварной трубы заструился, полетел в

вечернее небо, где уже стоял молодой месяц, отражался в озерах, в реке, смотрел сверху на тихую нашу землю.

Содержание:

№ п/п	Автор	Название	Стр
1	Сергей Алексеев	Брестская крепость	1
2	Сергей Алексеев	Лиепая	2
3	Сергей Алексеев	Капитан Гастелло	3
4	Сергей Алексеев	Дерзость	4
5	Сергей Алексеев	Колючее слово	5
6	Сергей Алексеев	Имение	6
7	Сергей Алексеев	Два танка	7
8	Сергей Алексеев	Полным полно	7
9	Сергей Алексеев	Лесная дорога	8
10	Сергей Алексеев	Испаряются	9
11	Сергей Алексеев	Не пустили	10
12	Сергей Алексеев	Смоленский градобой	11
13	Сергей Алексеев	Как сотая стала первой	12
14	Сергей Алексеев	Как «катюша» «Катюшей» стала	12
15	Сергей Алексеев	Солдатское имя	13
16	Сергей Алексеев	Побывали	14
17	Сергей Алексеев	Фирменное блюдо	15
18	Сергей Алексеев	Холм Жарковский	16
19	Сергей Алексеев	Генерал Жуков	17
20	Сергей Алексеев	Московское небо	18
21	Сергей Алексеев	Тульские пряники	19
22	Сергей Алексеев	Красная площадь	20
23	Сергей Алексеев	Подвиг у Дубосекова	21
24	Сергей Алексеев	Напишу из Москвы	22
25	Сергей Алексеев	Дом	23
26	Сергей Алексеев	Ни шагу назад!	24
27	Сергей Алексеев	Знаменитый дом	25
28	Сергей Алексеев	Сталинградская оборона	25
29	Сергей Алексеев	Два обеда	26
30	Сергей Алексеев	Матросское сердце	27
31	Сергей Алексеев	Мишка	28
32	Сергей Алексеев	Ночь. Три часа по берлинскому времени	30
33	Сергей Алексеев	На Берлин идут машины	31
34	Сергей Алексеев	Мы в Берлине	31
35	Сергей Алексеев	Каждая улица дышит смертью	32
36	Сергей Алексеев	Знамя победы	33
37	Николай Бадеев	Выходила в океан «Катюша»	34

38	Николай Богданов	Самый храбрый	37
39	Николай Богданов	Неизвестные герои	40
40	Елена Пономаренко	Первый день настоящей войны	44
41	Елена Пономаренко	Похоронка	47
42	Юрий Яковлев	Память	49
43	Елена Пономаренко	Побег	52
44	Лев Кассиль	Памятник советскому солдату	54
45	Сергей Алексеев	Первая колонна	55
46	Сергей Алексеев	Таня Савичева	56
47	Сергей Алексеев	Шуба	57
48	Сергей Алексеев	Жало	58
49	Анатолий Митяев	Мешок овсянки	59
50	К.Г.Паустовский	«Похождения жука-носорога»	61